

Antiquary • 1988

ОСТРОВ ЛАРИССЫ АНТОЛОГИЯ СТИХОТВОРЕНИЙ

Остров Лариссы

Antiquary — 1988

ОСТРОВ ЛАРИССЫ

АНТОЛОГИЯ
стихотворений
поэтов-дальневосточников

Под редакцией
Эммануила ШТЕЙНА

ОСТРОВ ЛАРИССЫ

**Антология стихотворений поэтов-дальневосточников
Под редакцией Эммануила ШТЕЙНА**

OSTROV LARISSY

Editor-Publisher Emanuel SZTEIN

Copyright © 1988 by E. Szein

All rights reserved

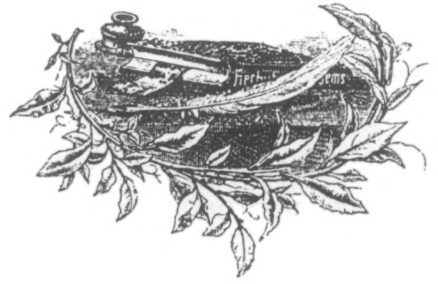
Опубликовано в издательстве "Антиквариат"

**Published by Antiquary
594 Chestnut Ridge Rd.,
Orange, CT 06477**

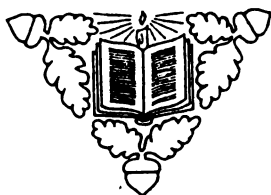
Library of Congress Catalog Card Number:

**Набор, оформление, монтаж,
печать и переплет
выполнены в типографии
New England Publishing
Co., 728 Hampden st.,
Holyoke, Mass., 01040.
Phone (413) 533-4231.**

Manufactured in the United States of America

ВЛАСТИТЕЛЬНИЦА "ОСТРОВА"

Прежде всего, почему "Остров"? Во-вторых, какими правами он нераздельно принадлежит Лариссе Андерсен?

В середине сороковых годов, во время агонии великой страны — Русского Китая, в бьющемся от судорог Шанхае, группа русских поэтов в течение двух лет еженедельно собиралась по пятницам, на их искусственном "острове", чтобы литературно работать, чтобы поддержать творческий процесс... Культурная жизнь практически кончилась, многочисленные печатные органы перестали существовать, необходимо было вести упорную борьбу не только за физическое, но и за моральное самосохранение. С этой задачей, несмотря на полыхание пожара войны и ужасы японской оккупации, участники "Пятницы" справились успешно. В 1946 году они совершили настоящее чудо, опубликовав результат своей кропотливой работы — сборник-антологию "Остров".

Это собрание стихов, созданных на заданные темы, спектр которых был довольно широк — от "Ангела", "Карусели", "Дыма" —

до "Достоевского", "Джиоконды", "России". Антология "Остров" — своеобразная лебединая песнь русского зарубежного государства, раритет из раритетов. Победа и торжество китайского "Великого Кормчего", вторичное изгнание и харбинские облавы смершевцев, наконец, неумолимая поступь времени сделали свое дело: сегодня об "Острове" и "островитянах" могут нам рассказать лишь двое — Валерий Перелешин и Ларисса Андерсен.

В департаменте Верхней Лауры, среди гор, затерялся маленький городок — Иссанжо. В этой французской "глубинке" вот уже более тридцати лет живет Ларисса Андерсен — талантливая русская поэтесса, отзывчивый и исключительно тонкий человек. Постоянные семейные заботы надолго оторвали ее от литературы, но стихи ее ценители поэзии помнят до сих пор, чему свидетельство опубликованный в майской книге журнала "Октябрь" за 1987 год очерк Наталии Ильиной — "Лариса" (кстати, поэтесса настаивает на двойном написании "с" в своем имени). Л. Андерсен была и осталась кумиром поэтов-дальневосточников, почти на всех из них она оказала серьезное влияние. Убедительно свидетельствует об этом Ю. Крузенштерн-Петерц:

"Гордостью Чураевки была тогда Ларисса Андерсен. В первый раз я слышала ее, когда она читала свои "Яблони".

Лучшие песни мои не спеты,
Лучшие песни мои со мной.
Может быть, тихой ночью это
Бродит и плачет во мне весной?
Месяц застыл, наостривши уши,

Слушает сонную тишь земли...
Если бы кто-нибудь мог подслушать
Боль безысходных моих молитв.
Сладким, безумным, предсмертным ядом
Яблони майскую ночь поят...
Знаю я, всем нам, цветущим надо
Прятать в груди этот страшный яд.

Лариссе было в то время лет пятнадцать. Темные кудри вокруг бледного личика, синие глаза, белое воздушное платье — более воздушной, "яблоневой" девушки я никогда не видела... Трудно себе представить группу более разнородную по характерам, вкусам, воззрениям, чем чураевский Цех Поэтов. Тихий, с головой погруженный в книги Валерий Перелешин. Быстрый, стремительный Николай Петерек. Медлительный, всегда шедший по линии наименьшего сопротивления, Николай Щеголев. Великан с детским толстогубым лицом, Владимир Померанцев-Вовка... Воображавший себя Печориным..., а в самом деле, еще ребенок, Георгий Гранин. Быть может, более уравновешенный чем они все, более волевой, Сергей Сергин... А над всем этим царила как всеобщая муза, как маяк, как ось, приводившая в движение молодую творческую энергию — Ларисса Андерсен.

Половина стихов Петерека было посвящено ей. Для него она была Сольвейг и это прозвище за ней утвердилось. Имя Сольвейг можно встретить и в стихах других поэтов Цеха — все поголовно были в нее влюблены. Только Гранин видел в ней свое — Джо-конду."

О личной судьбе поэтессы мы опять-таки узнаем от Ю. Крузенштерн-Петерек,

из ее очерка — "Чураевский питомник" ("Возрождение", № 204, Париж, 1968):

"Ларисса разрывалась между поэзией и танцами. Танцы победили. Правда, балетную школу ей закончить не пришлось, но выручили грация и прирожденный талант. В течение пятнадцати с лишним лет она была звездой дальневосточной эстрады, танцевала в оперетте, иногда в больших балетных постановках. Успехом она пользовалась огромным, но иногда ей все это надоедало и она снова возвращалась к стихам. В пятидесятых годах она вышла замуж, уехала с мужем за границу и как поэтесса замолчала".

Более полувека тому назад Юстина Крузенштерн-Петерек подарила Лариссе кожаный альбом, к которому была прикреплена металлическая пластинка. Выгравированные буквы полустерты от времени, но все еще прочитываются — "Ларе от Мэри". Альбом сразу же стал реликвией поэтов: почти каждый из них считал своим долгом и честью оставить хоть небольшой след в этой рукописной книге. Так год за годом составлялась "китайская" поэтическая "Чукоккала". Кроме поэтов старшего поколения — Василия Обухова и Арсения Несмелова, в книге Лариссы представлен практически почти весь дальневосточный Парнас.

Русская поэтесса Мария Визи предчувствовала и гибель своего поколения, и Русского Китая. Пессимистически звучала ее Лира:

Облетевшие отзвуки песен
Опустились в болотную плесень.

**И никто не услышит твой голос в ночи,
Кричи не кричи.**

**"Остров Лариссы", ставший сейчас доступным,
позволяет новому русскому читателю услы-
шать и полюбить "отзвуки песен", петых за-
долго до него и... для него!**

Эммануил Штейн

ОТ СОСТАВИТЕЛЯ

Время и перепутья изгнания не пощадили альбом Лариссы Андерсен: целый ряд записей карандашом трудно прочитывается, бумага вклеенных в альбом листков зачастую плохого качества. И все же факсимильное воспроизведение стихотворений поэтов-дальневосточников не только желание прикоснуться к "пыли веков", но и стремление к сохранению документа большой литературной значимости.

Книга сопровождается краткими библиографическими данными о поэтах, что поможет читателю, пусть и поверхностно, получить некоторое представление об издательской деятельности Русского Китая.

Венчает книгу "Остров Лариссы" -- приложение, которое целиком посвящено Лариссе Андерсен. В него, кроме статьи Александра Вертинского, опубликованной 21 апреля 1940 года в газете "Шанхайская заря" и первой страницы очерка Наталии Ильиной -- "Лариса", включены стихотворения поэтессы, в свое время печатавшиеся в различных периодических органах русского Зарубежья.

В 1940 году, в Шанхае, в издательстве журнала "Современная женщина" выходит первый и единственный сборник стихов Ларисы Андерсен — "По зеленым лугам". Книжка эта сейчас большая библиографическая редкость. Мы посчитали необходимым ознакомить читателя со стихами поэтессы, включенными в антологии: "Семеро" (Харбин, 1931), "Остров" (Шанхай, 1946), "Муза диаспоры" (Франфуркт-на-Майне, 1960) и ее ранними стихами, опубликованными в "Журнале ХСМЛ" (№ 1, 1928).

В антологию "Остров Лариссы" не включены стихи поэтессы, которые она в течение многих лет печатала в харбинском журнале "Рубеж". Собранные воедино, стихи эти составили бы весомый том. Надеемся, что такая работа будет еще проделана другими исследователями литературного наследия русского изгнания.

6. 2. 1933

Как сон, который ночью снится,
Чтоб — не случиться на яву

ТАМ, ЗА УЗОРАМИ

Мне кто-то бесконечно дорог,
Я, потеряв его, один.
Крыльцо. Фонарь: дом 40.
Мне кто-то бесконечно дорог —
там за узорами гардин.

А ночь! Как нынче зовы гулки,
как тает шелестящий хруст
Поют ночные переулки
Как ветер тих. Как зовы гулки
А путь мой холоден и пуст.

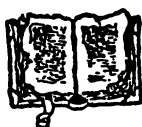
И пусть!..

Всему своя граница
Воспоминанья злобно рву.
И пусть! Всему своя граница,
как сну, который ночью снится,
Чтоб не случиться на яву.

И я, насвистывая песню,
Иду вдоль улиц, не спеша.
"Там, за узорами.", а если —
Наперекор задорной песне —
(Неразб.)

Мне кто-то бесконечно дорог
за гранью спущенных гардин
Иди обратно — путь не долг!
(Неразб.) Один.

АЧАИР

18

КОШКА

Что ни ночь, то гаданье, как в святки... *кариссе с рисованным*

Смотришь в зеркало, в жизнь, в пустоту. *нахмурен*

Я запомнил твою теплоту

И жестокую мягкость повадки.

Ты прокрадась сквозь сумрак ко мне,

Промелькнула в мерцании лунном.

Только когти притронулись к ^{ТР}стунам,

Завывавшим в густой тишине.

Ты мурлыкала старые песни

Лишь о страшном и лишь о своем,

Вспоминала: ^Таинственный дом,

Переходы стремительных лестниц,

Бормотание мертвых голов,

Волшебством отделенных от тела...>>

Ты об ужасах магии пела,

Что сильнее человеческих слов.

Хорошо, что ты здесь, что ты рядом,

Но надолго-ли? Вскользнешь прочь

И уйдешь в необъятную ночь,

Распростертую за балюстрадой.

Рада ты и луне, и земле -

Так уютно играется в прятки -

С кем? ^А(впрочем, нужны ли догадки,

Пусть хоть с ведьмой на помеле.

(См на об.)

Созна^юю сквозь тяжёлую думу:
- Что бы ни было, ты все равно
Заскребёшься пугливо в окно,
Не оставишь от нашего дома.

19 июня 1944 г.

АЛЕКСАНДР АЧАНЕ.

л у н н о е м я р е в о .

РОСКОШНО ВЪДУМАТЬ!—

Плыва дуна. Лавурь свѣтла!

Луна бородасъ...

И оттого, что ночь
была, как жизнь, темна, —
густина тьмы, сжималась тьма
и — раскололась...

В ОБЪАТЪАХ ДИСТОННЫХ.

над мохом у ручья,
как вдох, как шест рук,
~~и сполне губ касанье,~~
ты стала Дюсенкой.

какую создаю -
о приключениях судьбы 2/2

И НОТ И ВСЕ. ПРОШЛО.

НЕ ВОЗМОГЛО - ВЕЧЕ! -

не, окно, не блилось
с моей мечтой - добыть.

с моей тоской - любить.

Гуны-чернок пилил.

Ночь длинной пѣсней бѣдась.

И ОТТОГО, ЧТО ЖИТЬ

не смогли, вылетели в дысь

не сердца, вовсе нѣтъ! -

ДОКМОТЪ ПРЖИИХ ГРЕВ. —
НАСОНТЪ МОА ЛЮБВА

из собственных средств!

10 сентября 1940.

Хвобин.

Алексей. А чьим?

Wave after wave with a swishing sound
Run over sand — what have they found
To carry along to the shore so wide
With white combs of foam in the
sand to hide?

The rocks in the water like sentinels
Responding to nods of the trees that
sway

In the heavy wind which blows from
The West,
Forbidding the trees and the waves
to rest.

Who walks through the dunes
Breathing briny air;
Unaware restraining the slight of
her hair?

Her step full of grace,
A smile on her face,
Her spirits rise high
With her love of the sea.
Who could that be?

Is it I?

March 1969

Marina B...

Лариссе А.

Мы умираем с детства, не спеша,
Уже давно агония терзает.
С землей навек прощается душа
И в аистом ореоле воскресает

Пылает грозным заревом закат,
(Неразб.) в прах Любовь и Верность.
Идти вперед и не смотреть назад
Чтобы понять Вселенскую Трехмерность.

Выходит сердце из плохой игры
И лишь, в последних проблесках сознание,
Перед провалом в новые миры,
Рисует контуры иного Знания.

18.12.41

ВАЛЪ

Сарисс А

Мы упираем в отроги, не отбывая,
Уже давно аромат перзает.

С злыми наветами прохвата душа
И в дивном оребит бо окривает

Полоса прожиги зари в м закат,
Жмурится в прах дробит и обжигает

Моя вера и не сходит с ума
Где поют Вселенского Третьего.

Выходит сердце у меня
И лишь, в последние пробески, сознаю
Перед пробески в ночь мир,
Рисую как у меня инов Ивань,

18/XII/91.

Вань.

Встретное предчувствие.

Мимо окон веренище^м длинно^м ?
Пролетело много перегонов.
Гунами озерами — долины.
Катерами — синие вагоны.

Промелькнули тени волокачек.
Промелькнули мертвые раз^мезды
И сейчас на небе тихо плачут
Удивленные, немые звезды.

Смолкнет гул. Ответы желтых окон
Поплажут по чьей-нибудь ограде.
Глушка в проходе. Встречным током
На лицо волос бросает пряди.

Остановится. Со^мдет с улыбкой.
И махнет кому-то на прощанье.
Поезд вздрогнет. Загыхтит. И хлипко
Засвистит в логонку: — Тоскиданья-а-а...

Что Вы со^мдете на раз^мезде,
Не дождавшись остановки длинной,
И тогда погаснут в небе звезды
И заглохнут мертвые долины.

Не поставишь об этом свечей
И просто панихиды не справишь.
И во мраке осенних ночей
Не коснешься тоскующих клавиш.

Не протрубят об этом рога
На последней, охотней охоте.
И опустится солнце в снега
В холодящий глаза позолоте.

Ты, спокойная, станешь к окну.
Ты, которая зла и безгрешна,
Стиснешь губы, взглянув на луну,
На один только миг безутешна.

Это будет один только раз
Неповторного, может — трагизма:
Ибо слезы неплачущих глаз,
Ибо слезы — один только раз —
Королевская тризна.

ГЕОРГИЙ ГРАНИН.

- Джіоконда,
Которую надо украсть.
И украли.

Маяковский.

Ничего. Веселись и безумству.

Ничего, если ты для стихов,

Если ты для с в я т о г о искусства

Не чернила изводишь, а кровь.

Ничего, если даже смешон ты.

Ничего, что в душе кочевой

~~в душе кочевой~~ ^{в душе кочевой и алену} о ком-то.

Ничего, что крадут Джіоконду:

Ничего. Ничего.

29/XII-32.

Георгій Гранин.

Подняться утром в шесть и в восемь
Ити в чужой, далекий дом,
А на дворе седая осень
Бродяжит в свете голубом.

Притти. Привычно снявши шляпу,
Мамаше бросить комплимент.
Поздравить с добрым утром папу.
Знакомят с кем-то: наш поэт.

Присесть к окошку. Напряженно
Сосредотачивать глаза
На тополях огнем зажженных,
На чьих-то светлых волосах.

И, по контрасту, видя в черных —
Осенний дым знакомых глаз,
Принять смиренно обреченность
В который раз.

Ничего, что душа в девятнадцать — изменчива:
В двадцать пять — она будет точнее!
И под блительным оком како-нибудь женщины
Ты забудешь о ней.

И не станет забот о тоске и о личности.
И, утешив бунтарскую кровь,
Ты потом не подчмешь в гдухом безразличии
Лаже правую бровь.

Отмелькает и подпись с манерными точками
— Непременно двумя! — у конца,
Но зато будет домик и ягик с цветочками,
На карнизе крыльца.

А молиться и верить тебе будет не во что
И, забчвшись безрадостным сном,
Ты об этом, тебе предназначенно" девушке
Позабудешь потом.

ГЕОРГИЙ ГРАНИН.

За Ваше холодное имя,
За Ваши холодные плечи
Закатную чашу подчмет,
Наверное, завтрашний вечер.

И мальчик — немудрый и юный —
Улет к безутешному морю
И в топкие, влажные джунгли
Зароет последнее горе.

И будет светиться в тумане
Вода голубым перламутром
И ночь промелькнет. И настанет
Веселое, светлое утро.

А Вас уже кто-то отнимет.
А после — любя ^иискренне мечит
И Ваше холодное имя,
И Ваши холодные плечи.

Георгий Гранин.

М О Л Ч А Т Ь:

О жизни, прожитой без веры,
В подстриженных людьми лесах.
О ней нелепой и — о серых,
Всегда таинственных глазах.

О их неодолимо^ю власти.
О безнад^ежном и любом,
Неповторяющемся сча^стьи,
О счастья мудро^м: голубом.

ГЕОРГИЙ ГРАНИН.

Несмотря ни на что:

Через сумерки буден,

Через тысячи лет —

На ветру, без огня, —

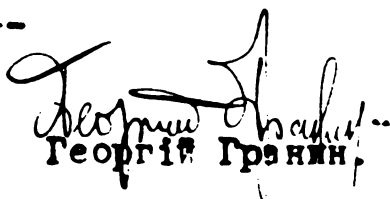
Несмотря ни на что! —

Никогда не забудешь,

Никогда не простишь,

Не отвергнешь меня.

ГЗ/1-33.

Георгий Гранин

ГЕОРГИЙ ГРАНИН.

Пусть недели меняют кочевья,
Отметая февральские дни
И стоят, замерзая, деревья
И горят городские огни.

От твоих нерассказанных писем,
От твоих незаписанных слов
Окрыленной толпой вознеслись
Многочисленные строки стихов.

Это строится новый фундамент.
Воздвигается гордый престол,
О котором людскими словами
Рассказать не сумеет никто.

Потому что тебе - безутешной,
Я - внесенный ночью гульбой,
Принесу ангелически-грешное,
Нечто выше, чем самое нежное,
Нечто выше, чем даже-любовь.

8 февр. 73 /Среда/

Георгий Гранин.

Этo - Де́сятвѣ́тникъ - Чамсаго в
сре́дѣ 8/II 33 — по доро́ге из Ново́го
Горо́да — Мадри́ду, между 11
и 12 часами́ дня.
После́ доро́ги спуско́мъ.

Г е о р г и й Г р а н и н

Как трамваи бегут поезда.
Загораются искры на рельсах.
О потерянном здесь навсегда
Безутешно и жалко засмейся.

Потухают на небе огни:
Это слепнут последние звезды.
Почему для несчастных — одних
Все на свете и ясно и поздно

О (Неразб.) опять повтори,
О неверном своем постоянстве
И потом до весенней зари
Опускайся в расчетливом пьянстве.

День пройдет и потом темнота
Подкрадется сторожно и хмуро
И проверишь: — А, если — не та?
Если все это — литература?

И увидишь, что — все-таки — здесь
Что-то больше стихов и рассказов
И потом беспросветно и разом
Ты увидишь, что все-таки — есть!

26. 3. 33.

ГЕОРГИЙ ГРАНИН

Дорогой Павел

Как много тебе всего
запрещено не только на реке,
О том я пишу тебе в своем
письме и к тебе пишу.

Помысли же все это
и не забудь написать
мне о своем
письме. Я пишу тебе —
все на свете и тебе пишу.

И пишу тебе
о том, что тебе
нужно и о том, что
нужно тебе.

и роман до последней капли
выжмется к правым — и правым.

Дело тут не ~~только~~ ^{помощи} ~~тут~~ ^{тут} и
воображения ~~смысла~~ ^{смысла} и ~~жизни~~ ^{жизни} и
и ~~жизни~~ ^{жизни} — А, ~~жизни~~ ^{жизни} — и ~~жизни~~ ^{жизни} и
жизни ~~жизни~~ ^{жизни} — ~~жизни~~ ^{жизни} и ~~жизни~~ ^{жизни} и

и ~~жизни~~ ^{жизни} ~~жизни~~ ^{жизни} — ~~жизни~~ ^{жизни} — ~~жизни~~ ^{жизни} и
и ~~жизни~~ ^{жизни} — ~~жизни~~ ^{жизни} ~~жизни~~ ^{жизни} и ~~жизни~~ ^{жизни} и
и ~~жизни~~ ^{жизни} ~~жизни~~ ^{жизни} ~~жизни~~ ^{жизни} и ~~жизни~~ ^{жизни} и
и ~~жизни~~ ^{жизни} ~~жизни~~ ^{жизни} ~~жизни~~ ^{жизни} ~~жизни~~ ^{жизни} — ~~жизни~~ ^{жизни} — ~~жизни~~ ^{жизни} и

26/III 23

Дополнительно.

Карусса Андерсен

*
* *

Тинни Вам любовь свою в стихах
И хоть стихи мои не "ангел" пенне
Все-ж Вы прочтете... и смягчитесь... Ах!
Я Вас люблю - до опущения.

Но неми Вы для слов любви и талос
Пирожному мне Вы растопите хвалы
Весь вишняк с морковью сожрали-б
Любви моей Вы предпочтете фунт халвы.

Угря конченого Вам запах или
Ласкает взор Вам рыба и пахнет
Но в 10³⁰ я, как в море крокодил
Один пишу по телефону с "tete a tete".

DIMUS.

Я знаю, что судьбы не обмануть,
Я знаю, что сама я подписалась
Под свитком, где начертан был мой путь,
А высшей цели не уместна жалость.
Я знаю, сузится в конце тропа
И тонкий мост протянется над бездной —
По нем неверная моя стопа
Должна пройти под волею железной.
И как наездник, соблюдая вес
Для броскости последнего усилия,
Я sny земли на подступах небес
Должна отдать, чтоб заработать крылья
И только Там я обернусь назад;
Перенесенная благой Рукою.
Всем жаждущим войти в небесный Сад
Я широко объятия раскрою...
 Но как теперь осилить злую рать,
 Когда так хрупки все стремленья наши
 И хочется, закрыв лицо, бежать
 От тени надвигающейся Чаши?

МАРИЯ К.

1941

23.6.1945.

Я, сивы плечи на посылку, несе.
Знаешь, отдам, чтоб заработала кровля
И, наконец там в обсерватории;
Земельная блага, тучно.
Вопреки судьбам твоим и небесам - рад
Я широким объёмом раскрыю...

Но как теперь осмелюсь снова писать,
Когда так близко вся ответственность наша
И горестно знает много людская
Ем интим надвигающейся тучи?

Мария Х.

23-V-1945

1941...

Мы томимся болезнью одной,
Мы одну осознали мечту,
Для нея льется стих кружевной,
И за ней рвемся мы в высоту...

Как то в детстве легком и далеком,
В (Неразб.) светлый день,
Зайчик солнечный скользнул наскоком
Покатил и спрятался в сирень...
Но в луче, покинувшем пространство,
Уловить успел ребячий взгляд
Уводящих Музы Дальних Странствий
Радужный пленительный наряд,
Крыльев белоснежных трепетанье
Пламень ярких херувимских глаз,
В зеркало великих созерцанье
Тень миров иных и вечность — час,
На всю жизнь отравлен вдохновеньем,
Кто хоть раз один видал тебя,
По земным путям с ожесточеньем
Он закружит, землю не взлюбя;
Север, юг пройдут, восток и запад,
Чащи леса, полотно пустынь,
И ища тебя, он будет плакать,
Средь мирских ненужных благостынь.

Но, когда томясь от жгучей боли,
И забыть желая дальний зов,
Муза Странствий спросит: — Ты Готов?
Не тебе ли в зеркале мечтанья
Показала путь к иным мирам?
Ты, уставший от земных скитаний
Поступаешь в мой лучистый храм.
С благой важностью возьмет за плечи
Увлечет при пенье быстрых крыл.

Кто хоть раз видел Судан тебя,
То земным путем с оксфордским
Он захрустел, землю на комья;
Стелю из прага, лесок и запад
Паша мха, наметил пустынь
И мха тебя он будет пикар;
Средь мирских ищущих благостных
Он, когда, фанси он фрунц баки,
И забор фсена фанси зов
Он предастся Пун Славян
Пун Славян отнеси: - Ии Короб?
А тебя на в Ермак метан
Тошатае пун к миме сибирь?
Лич, уфалун он земной скитан
Тошатае в мой мурзавуев арам
С славной фрунцовой кошель из миски
Фрунц, Пун фрунц фрунц миски.

В ПАРКЕ

Если Вам все равно — помолчим немного
Посмотрите: над облаком ввысь голубая дорога,
а пониже спокойны, по-детски ясны
К небу тянутся сосны верхушками, стройно - прекрасные
(На земле отражаясь бездушной тенью) ...
Сонный храм притаился под мощной зеленой их (Неразб.)
И на красной ограде, как всполох яркий
Свежеет краски пятно. А поодаль изогнуты арки.
Помолчим. Надоели, ненужно — споры
Звуки речи людской, мыслей замкнутость, формы и (Неразб.)
Цепь желаний, избитых, плывущих снова
И слова без конца, без единого нового слова
Помолчим. Наша встреча совсем простая...
Вот летит в вышине журавлиная белая стая.

МАРИЯ К.

1941 г.

23.6.45.

В старом.

Всем Вам все равно - помогите нежному
Посмотрите: над облаком ввысь голубые доры.
А пошурше спокойны, то дотски ясны
В небе таятся сосны верхушками, сфройно-приз
(На эфире отражаясь бездушной тенью)
Солнцем храм пригласил под мощной селеной их
И на красной ограде, как вояхех яркой
Свободы краски таяно. А подальше изогнутой арки
Беломоля. Надолго, неужели - сора.
Звук фанги людской, милой тенью, горюх и
Центр фанатизма, таянущих слов
И слов без конца, без единого нового слова
Помогите. фане. востроге совести и фанатизма..
Вот лежит в фанатизме фанатизма фанатизма

Игорь Я.

1941.

Ю. К р у з е н ш т е р н - П е т е р е ц

В каждой жизни хоть раз запевала свирель:
— Тиронтон-миронтон... тиронтель-миронтель...
И для нас по весне запевала свирель:
Для тебя — тиронтон... Для меня — миронтель.

Немудреная песня сегодня жива,
Оттого, что в окошко ворвался апрель.
Мы из веток черешни плетем кружева:
Тиронтон-миронтон... тиронтель-миронтель...

Кружева опадут... кружева упадут...
Не цветенье окутает душу, а цвель...
И осенние ветры затянут в саду,
Но не твой тиронтон... не мою миронтель...

В кандай мисли хайрау жайнала келе.
Миратан миратан. Тобан... иркен со.
Иди кат по иски река по сийле
Вон тибед-мур... а... буз илс - иркен со.

Амгурун келс селсн пекла
Самно тоно в акашо каркан ачрел!
Мену кетир кресна пелетан рзиска
Миратан миратан. Миратан с иркан
Крунека огулган Крунека уназган
Не ивентен агунаси дуиу с тоно
Последне кетир самгуиу в сазу
Но не пхан миратан, ке мако. иркен

ДЕЗДЕМОНА

Мой лорд! Я молилась сегодня
Мой лорд — подарите хоть час! —
Но не (Неразб.)
В зрачках (Неразб.)
(Неразб.)
Зачем Дездемона угаснет?
Затем, что любовь жестока,
А он — этот черный Отелло,
Он рядом с тобой и со мной
(Неразб.) ...
Чтоб было еще нам печальней
Убийцам своих Дездемон.

Вузмона.

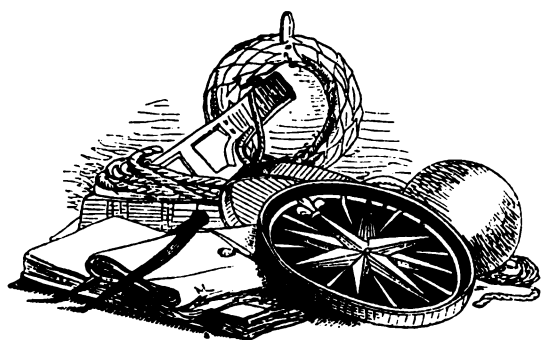
Ах мой! Я посмела сказать,
Ах мой — парение дитя мое!
Но не увидишь ты крестом
В утробе пернатой плес.

Не ласкан — кружок кажи
Внутренний из меня души,
Зачем Вузмона угаснет?
Гайеи, что ладью ласкана
А он — шитый из белой ткани,
Он в утробе с тобой и с тобой.
Он — не ласкан.. Он — брешет.. Он — не ласкан.
Он в утробе первой и второй,
Внутренний в душе моей,
В утробе и в душе моей,
Им же и в душе моей
Убийца моя Вузмона.

1481 р. 24 с.

[illegible]

Коллекторская
1994

Мир познаётся в гештальте. Таковы
голоса и зерна!
Все без острых углов, все-прокинутый
содержан хрусталь.
Ок распахнута вместе с ками-
новым и любуется
Душа сиреней в тумане. Такую манящую
гале

Возмущение полно гравитации прости
визуальный
Мир как подобие и познание. И,
близко с силами ибиде сиреней и сирен,
И, стоящий вместе с кувшином босом,
визуальный
визуальный

И уже разубежившись в истине и
уже неспроста Мироздания ^{Современные} ^{каменитый}
Мир дано полюбить и вникнуть в
Космос, а также, медитируя осмыслить
сакральную суть.

Так становится слышен ^{восторг}
и в мире за ^{каменитый} ^{Землю}
Всущности все ^{сакральная} ^{сущность}
как, не прелесть, а ^{мой мир} ^{раскрывается} ^{вдохнов...}
мудростью ^{соединен} ^{твоею}
сущностью ^{мудростью} ^{сущности}.

Апрель, 1957. Манхай

Юность мне подарила чудесные песни
Спас застывшей робости с верой в себя.
Были сны так легки, а печаль-накосны.
Все продал пульс восторженный бытия.

Озаренья, казалось. Казалось, прозренье.
За углом, за порогом — огромная жизнь.
Для самоуглубления, для свершения
Чтоб без той болотки, без тлена,
без тужи.

Дальше - рост. Из под'елов, потом ^{океанский}
Составлялись год, составлялись года...
И оужды, в момент зедушевских
Скитаний: — порок не вдукают, ^{призваний,}
Никогда.

Не создать никогда Карамзинских
Знаменитых ставка на Счастие ^{Байбеев...}
Избавить вянущий? ^{Избавить вянущий?}
Миру дескому, складкам бережливости
Воздаются безраздельно в поощрительных
мех.

Grasses are boiling, and rustling, and
Silvery splashes, and bluish, and green,^{blending,}
Overgrown ponds and the sunshine are
Turbulence, quiet and brightness^{blending}
unseen.

Senses are whipped into wonderful craving,
Quivering, sweeping - an end to a quest.
Windblown and sunkissed the grasses are
This is acceptance, and fury, and ^{waiving} rest.

There by the road grow the violets
- clinging,
Fragrant and shy, evanescent with joy.
Happiness - touching you, whispering, ringing,
Happiness nothing can ever destroy

Manchow, 1953

Kora Kyrk

Трудно писать и страдать трудно по настоящему о России
кутаясь в русскость, чуть изнашившуюся,
некогда вырожденную подспудно,
некогда в "русском Китае" родившуюся.

Но оттого, что чаша нас минула,
чувство стыда прорастает болью,
как после прошлой большой войны:
смерд крематориев, чад вины.

Братьям оттуда и там, безымянным,
малым борцам или жертвам случая
не перебросить даром неожиданным
тусклого нашего благополучия.

Наша наивная неиспуганность
душ зарубежных! А там — не бой:
в доме бездомье, ущерб, поруганность,
люди с искромсанною судьбой.

Только теперь забили в набаты,
но себялюбие громче грома.
Все мы безвыходно виноваты
чудом избегнувшие разгрома,
души упрятавшие от погрома

и оттого, что чаша нас минула,
наперекор больному безволью,
чувство вины прорастает болью.

Сидней, 1976г.

Нора Круик
Это моя любимая книга
Кристиан Вилсон. Не все люди

Вокруг пруда густейшей тьмы,
А в глубине его светло;
Сбегает всякие ступени
В его спокойное стекло...

Там облака неслышно плывут,
Сидит немерная звезда;
Там тихонько тихо пролетают
И их белеет вода.

Вот сонный кешер еле-еле,
Подкрадываясь небо покажут
И в той подродной колыбели
Сад опракинутый чешуи...

Литв неба звездные отсветы
Гладкий в немне зеркала,
Где без движения, без ответа
Спит до утра ночная мила.
Ирина Лазарь.

Василий Логинев.

Ларисса Анчерсен.

Чуть чуть надломленный цветок
Еще не тронут везданьем.
Он подарит природе свой
Понтийный благоуханье.

И этой ^{старинный} ~~тихий~~ аромат
Сильный, чудесный, и слабый,
Чьям твое, твое есть цветочный узор,
Разцветши пышно в вьюной таше.

В нем есть нездешний летний;
В нем тонкий пафос сфинксовья;
В нем ~~различна~~ ^{различна} ~~много~~ ^{много} мест
К земному темному тошноту.

И то, что не дышит — в нем
Одну цветочную сказку.
Он тихой ночью наглым днем
Дарит застывший ласку.

И, может быть, перед концом
На склоне дней своих цветочных
Вдруг вспыхнет ярким огнем
Благоуханья снов нежных.

Василий Логинев.

Харбин
октябрь 1938 г.

Ларисса.

Л. Н. Анцеров.

Все меньше красивых теней,
Все меньше стихов и пьес,
И мир, разученный убогостью,
Стал грушею, металом, тьмой.

Когда-то, в Александрии,
Гречанки осу пласали,
Браслеты на них золотые
Гекзаметром чуждо резали.

Когда-то убили в ш разб
Калифам, розам, и
Потом, в сладкой экстазе
Сканировали газы.

Шейерште - мира царя:
Гуделась мёртво машин
И пелась то Ларисса,
Какой-то

Гречанка
Иногда описала
Побой восхищала Египет,
Иногда бредила греки.

И, может быть, в изреч
Какой-нибудь медиатор
Воскринила громко Ларисса!...

Прозвучат притчи Латы,
И, может быть, римский философ,
Развертывая пергамент,
Мечтал задавая вопросы
Такой-же изысканный галл,

Кто вбросил в гетто томище?
Саффо? ... Асийка? ... Фрика? ...

Ах, только ты Ларисса,
Какой-то отклик старинный.

Василий Логинов.

Ларисса.

Л. Н. Анцеров.

Все меньше красивых теней.
Все меньше сплотов и пещер.
И мир, разученный утомлен,
стал цунами, метален, теснен.

Когда-то, в Александрии,
Гречанки осу плывали.
Браслеты на них золотые
Гекзиметром чуждо резали.

Когда-то цвели в ширях
Калифорн, розов; и
Потом, в сладком экстазе,
Сканировали газе

Шейерман - мисс урица:
Гудеция мёртво машин
и только ты, Ларисса, -
Какой-то с

Прекрасно

Иногда окутано.

Иногда восхищались Египет.

Иногда бредили греки.

И, может быть, в изреч

Какой-нибудь медиатор
Воскрикнул громко Ларисса! "

Произнес протекли лапы,

И, может быть, римский философ,

Развертывая пергамент,

Метал заваркой войной

Такой-же изысканный фант,

Кто втиснул в себя то мисс?

Саффо? ... Асийка? ... Фрига? ...

Ах, только ты, Ларисса, -

Какой-то отклик старинный.

Насилий Логинов.

Черепях

Лист Андерсен.

Индianка „Бѣла Лилия“ —
Красива, как ласточка,
С терпкими волосами,
И синими глазами, —
На берегу рѣки
Нашла маленькую черепаху,
Испуганную
Страйными знаками,
Похотную на таинство.
Она долго думала —
Что с ней делать.
Наконец
Надела ее на шею
На ожерелье
Из зубов згуса,
Это был первый кулон,
Приобретенный „Бѣлой Лилией“
Подарок самой Природе.

Василий Лопинов.

Я — мрачный, я старый отшельник...
Живу в неудобной пещере,
Где в арку сплетается ельник,
Где место терпений и веры.

Молиться? Но разве услышит
Молитву высокое небо?
Душой уноситься все выше?
Ах, ниже хотелось мне-бы.

На милой земле, где стремиться.
Источник, журча по камням,
Смеется и пляшет Ларисса.
И рук ее радуют звенья.

Несется стремительной ланью.
А грудь ее — смерти могила.
Здесь столько упорных желаний!
Здесь жизни тревожная сила!

Но тянет высокое небо
От милой земли на вершины.
Ах н и ж е хотелось мне-бы,
В земные, простые долины.

ВАСИЛИЙ ЛОГИНОВ

Июнь 1939 г.
Харбин.
Маньчжу-Ти-Го

З - марты, а с тобой айху, айху,
Ты, в куче, в куче, в куче,
Ты, в куче, в куче, в куче,
Ты, в куче, в куче, в куче.

Мамы, не рожай чужих
Мамы, в куче, в куче,
Душой чужие все били?
Ах, НУЖЕ куче, в куче.

На мамой земли, той сироты,
Отец, мать, в куче, в куче,
Сироты, в куче, в куче,
И рожай, в куче, в куче.

Мамы, не рожай чужих ланью,
А мамой, в куче, в куче,
Зажив, в куче, в куче, в куче,
Зажив, в куче, в куче, в куче.

Но рожай, в куче, в куче,
От мамой земли, в куче, в куче,
Ах, НУЖЕ куче, в куче,
В куче, в куче, в куче, в куче.

Василья Мамы

Мамы 1939г.

Зажив.

Мамы, в куче, в куче.

Индѣйскіе настроенія.

Хуэ! сказал хор.
Ви-за-ва!.. сказал хор.
„Мы хотим побѣды!“ — сказал
„Большой Змѣй“,
и пошелъ Тѣмогавк.
Задумалась Трубка мира.
„Мы хотим побѣды!“ — сказал
„Большой Змѣй“,
Вонны Катцли головами.
„Хуэ!“ — сказал хор,
„Ви-за-ва!“! сказал хор,

Василій Логинъ.

Скалоп.

Ларисей Андерсен —
мнѣбѣская поэма.

В вивахъ „Пзгичеио Личаръ“,
свѣрѣпаю вончѣ зурона,
Висей чѣа скамѣа —
бѣйчичичичеа вратѣ ч ео мекѣ.
чѣйчѣх на чѣртѣ „Сѣтаръ“
В пачахъ чѣае чѣмичѣа.

Коца „Пзгичеио Личаръ“,
чѣоубѣ на вѣйчѣ мѣч охѣчъ,
Его свѣа — бѣлаз мѣлѣ,
Сичеричѣа чѣа мѣлѣ,
Пѣхочѣа чѣа мѣлѣ,
и дого на мѣч смѣрѣа.

Дз. Скалопъ мѣчичѣа
с бѣлѣчѣа мѣчичѣа вѣлѣа,
мѣчѣа сѣбѣ на чѣоубѣ,
и мѣа в мѣс, чѣа мѣч рѣа.

Она сморщилась с рыдъ,
и влечет свои лик
в волосы блѣднѣющаго менушны.

Она закрываетъ глаза
и влечетъ: ревъ саксофона,
визъ скрипокъ,
и шарканье ногъ.

Она влечетъ,
Какъ влечетъ блѣднѣющаго
с обнаженною грудью
и блѣднѣющаго блѣднѣющаго.

Fons Salutis.

Гряди потная волю,
Рань увядшие маки.
Тише! пыльный Христос
Почивает во праху.

Мы его бережем,
Раздвинув нешироко
Самый чуждый кожань
Драгоценное тело.

Плоть кожна и чиста,
Какъ уставные лбдинки.
Каждый день у Христа
Мы берем по провинку.

Но въ темнотасъ сердецъ
Все растутъ опасенья:
Вдрузь наступитъ конецъ
Водоему спасенья?

Валерій Перельбинъ.

18 ноября 1944 года.

Поэтъ.

Нелюбимые дотле
Сните, стиснуты тьмой,
Линь меня на разсветло
Ночь спуститъ долой,

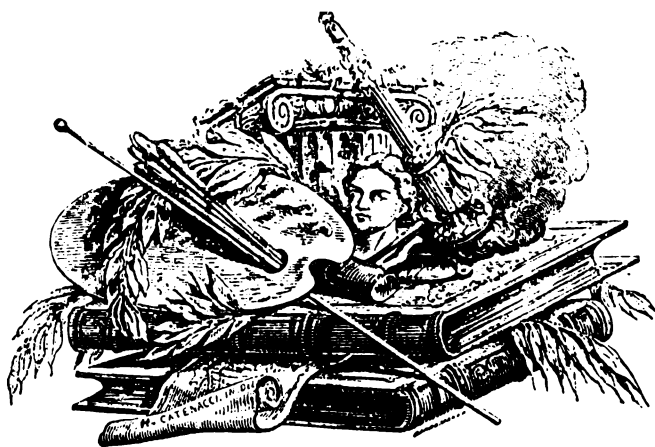
Во часъ, когда пропадаетъ
Понкорунный туманъ
И таетъ, и таетъ
Отъ невидимыхъ ранъ;

Во часъ, когда слабильныя
Туданъ вась пѣтухи —
Сонъ горновъ плавильныя
Снимають стихи...

Но за то, что со светомъ
Мы вступаемъ разсветло,
Ночь погладитъ поэта:
— Какъ онъ сибенъ поэтъ

Раньше утреннихъ звонницъ
Сонъ осяну мугамъ?
Не прогладитъ безсонницъ
Тѣхъ, кто спенъ по ногамъ..

14 ноября 1944 года. Валерій Тереминъ
С. Мамонъ?

Уздаи.

Платить за окно, извиваетъ скринка,
но извѣстно и свѣтъ изъ окна
Вамъ ужъ незнающая убога,
Вамъ ужъ раскосая тина.

— . —
Средь насъ признательно, просто радо
милости безъ фертъ, безъ выскы,
что ему совсѣмъ нѣтъ не надо:
что проконопачитъ, ни бѣтъ на нѣ.

— . —
Впрямь и на нѣтъ найданъ васъ можно
ласковѣе меншавей норми не вугъ
(Даже и дѣланъ надо оспорено,
чудовъ свѣтъ маенбѣи не нѣтъ).

Имени у счастья никто не спросить,
Саме изобретенье возже имени.

Каждое по-разному производит
Плоды, кто имя употребит и озянет.

Счастье? Вдруге многоже, вдруге ошибка?
Но вродь и развонуть по вродь и весна...
Такъ чьются, обманчивая уловка,
Вид, неподготовочная машина!

Валерий Терехин.

13 августа 1945 года.
Шанхай.

Во Францию

Люблю Индков — моту о Карла Виталия,
Арль, Авиньон — тоску по ступенькам:
Роса враненья теперь посидимы мне
И по дорожкам несут мне предельно.

Съ младостию я разумно и тоскою
Европы сны, и преданья о вполнью,
А темноты мои тусклые и феллици
Нитрофториды, неправильные Говны.

Жаль милая мачеха, Гродна..
Ей, наконец, передала мне
Российские — родные — потесна.

Сонь исполнили и смотрится слабо:
Есть древнее у мистического лоса,
Наросши на нить Иссандо.

Иссандо, 6 октября 1973 года.

Въ Исаяко.

Лежить за рощицею работъ
Атласъ прогнущи поубою,
Разсвѣтъ мнѣмъ колдовскіе,
И е урхусъ моею судьбою:
Отискали радуетъ Марія,
А Марва кормитъ на губу!

Исаяко, 7 октября 1973 г.

Валерій Терентинъ

Я в сна.

Из действительных слов...

Воткнутый в лок.

Весь в пламени - сжигает огонь ищет
И птица Рак - сжигает локот,
Меня кололоуны и концы.

В дм огнистый... Мой зиккий крик,
Убийца арзистой, сонной ищет,
"Гур-гур педя. Не прилетит -
Там снова все к нему пристанет."

Из науки...

В действительности странной лок,
Вон и локот и локотной птицы,
В пловы локот: "Не локот",
В пловы локотной ресницы...

Разлучи мене ищет ищет ищет -
Человек, зли ищет ищет слова,
Пойманы сердце далечный
Звенящий ритмический Бумм-бум

И знает - локот ищет ищет ищет
Земли ищет ищет ищет ищет
И

Маминь.

Гляди рай, умяска, дрови, дрови
Тяк чийто вейане бредо маминь,
Кога зми кацла на зомас,
А ладур полон ми вейань.

С тес пор ми зрел дин мичинь
Гляди продрине, крзв, кордън мот,
И з тес - Маминь - Чоринь
Уз первов пѣку збланинъ тес.
Пунъ чоринь, чин полон ситан мие,
Дих пинъ на солринъ себе,
Аудолуинъ поно блудманъ ехленинъ
Пресинъ тинъ, чернай дурнедъ...

И в каутан изуманъ зинъ
Д вичу тинъ прескраснъ мие...
Дел пунъ людскан, чурдинъ зинъ
Тинъ, кинъ тинъ дур, миед поситъ.
И в ситан зинъ пелукинъ тинъ
Синъ тинъ - пунъ, тинъ динъ тинъ,
Скодуинъ по локотинъ тинъ
Ибуринъ пунъ ланъ мотъ.

И займанъ цено дрови
А слудинъ мит тинъ ланъ,
А ланъ тинъ (пунъ тинъ)
Д сибростъ и пунъ тинъ.

ПАМЯТИ ПОЭТА

Прощай, поэт тех страшных лет
Когда вся жизнь была как бред

И, встав на лед, по массе рот,
Чеканил ямбы пулемет.

Прощай, мой друг. Сомкнулся круг.
Ты смерть искал, но не испуг

Кто жизнь прошел и сир и гол —
Тот царство Божие обрел.

С тобою Бог. И горечь строк
Тебе могильный мой венок.

Июнь, 1930

Н. ПЕТЕРЕЦ

Принцесса, мой друг. Сожалуюсь криво.
Моя сестрица купила, но не получила

Этот купон вранья и сыр, и роз-
ы. Мои подарки вонючие афры.

Спасибо брат. А теперь спасибо
Твоей моченной, мой человек.

Июль, 1930

Восмьца.

В курительнице синий поране,
Гарни в оги, нехороший ароматом...
Сладкий кристаллы или зольма манит...
И сибирская мне... и очень хорошо...
Абракадабра неопределенная слов...
Смешно в тристах, и на повертливости
Мне и рисунком - светлой зонтикой пу
Твоя сильной волшебством нанесло...
Идуе мечтает, но, что ни миг - жемч
Твоя обман, рай, тогда твоя и твоя -
Вся ты, которая не все улетит
В душе сибирская перестановка дней.
Направлена надуву - твоей жемч -
Такая проста, такая давно знакомая
Наполнит кровь архивного и твоего
Но твоя идуе свой удивительный мир.
Ты в комнате... и сидела у окна,
Красочная позолота и твоему...
Знаю, что твоя душа не оставляет,

Пусть за окном веселый кавардак
И женщин смех, и пошлые витрины, —
Мой дух сейчас весь этот вздор отринул,
Свершая здесь нерасторжимый брак.

Я знаю ты — безжизненна, бледна —
Лежишь, как труп, на выпуклом диване...
Напрасно тот — другой, волнуясь станет
Вливать в твой рот шальную кровь вина...

Я захочу — и ты в себя придешь,
И верая таинственному браку,
Ему заметишь: „ — Не пора-ль однако,
Тебе понять что наша близость — ложь?”

1932

Пускай за акном бедный человек
И немыслим свет, и немыслим человек,
Или гурь акром все димамь в зор
авресту.

Черный все нераспорочный орак,
С /мало им- /сущимым, димамь —
с /мемим, как погн, на /мемимым,
гудамь...

Напрасно твои-грозай, касаясь
чужаков

Вмешайся в твои рай-маленького
града душа...

И горю - и не в бредъ прилежю,
И будишь величнейшую ораду,
Безъ поминанья: "Не перестану
и безъ коней твоихъ коней —

одеждъ!"

, 932.

ОСЕНЬ

Мне осень милее весны,
В ней тоньше и краски, и чувства...
Аристократичность искусства
И Мастера мера видны.

В поблеклых цветах небосвода,
В едва различимых тонах,
В любви, и в тоске, и в стихах,
Которым буквально я отдан.

Ведь, астры в усталой руке,
Признание, что скрыто в вопросе.
Слегка оттеняет нам осень,
Как сладко грешащий аскет.

И чей-то неведомый контур
Рисуешь опять на полях,
Когда умирает земля,
Улыбкой дразня Джиоконды.

Н. ПЕТЕРЕЦ

Сентябрь, 1932 г.

Осень.

И не осень, лишь осень

В ней таяно и краски, и чувства...

Считая радостности и грусти,

И восторга, и печаль.

В ней, в ней, в ней, в ней, в ней, в ней,

В ней, в ней, в ней, в ней, в ней,

В ней, в ней, в ней, в ней, в ней,

В ней, в ней, в ней, в ней, в ней,

Вздох, асфальт в усталой руке,

Приуныло, что скралось в кайросе.

Слетя асфальт, лишь осень,

Как сладко греющий асфальт.

И не, не, не, не, не, не, не, не,

Рисую асфальт на пальцах,

Конец умирания, лишь

Лайкай, лайкай, лайкай, лайкай,

Сентябрь, 1932.

Лариссе Андерсен

Скандинавского синего неба
Головокружительная высота —
Над землею простиертый невод,
Завораживающий навсегда;

Манят петли его фиорды,
Оброненные Господом среди скал.
В ледяной их лазури — гордость
Викинг сумрачный закалял.

А когда медведем косматым —
Дыбился ураган,
Глухо шли медные латы
И ловили их зов снега.

Близость смерти бойцу не редкость —
Через кровь судьба повела,
А тебе что дано от предка,
Кроме синих фиордов глаз?

Оттого мы оба устали,
Что была ему жизнь легка,
Что привыкла к холоду стали
Окровавленная рука.

Н. ПЕТЕРЕЦ

Январь, 1933 г.

Лерисе Андерсен.

Скандинавского синего неба

Голубокрылительная бесстрашная

Над земного простертой неба

Савора и вавилонит навежда;

Маянит неба и со-гирзды,

Вбросились Гостозом среди скал.

В мезидий их лазури - гордосей

Видим суррагный заканы.

А коца - муредом косматом -

Видим ураган,

Глухо тем мурем латын

И мурем их дов снега.

Видим суррагный бойчу не реди

Через кровь сурода повела,

А где то дано ойт пруде,

Кроме суррагный ридорзов ма?

Вотного мур ада устали,

Что мур суррагный мурем латын,

Что правиком к хосаду стилин,

Вотного мур ада устали.

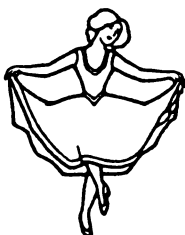

А в наши дни...

**Мне только снится
От предков сохраненный сон.
Неврастенически влюблен
Я в эти брови и ресницы.**

Март, 1933

А в кайи зми...

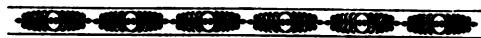
А не помядо смины

Ты прѣдъко съхраняи, сн.

Ахъ раясь снныи помянѣи

А в кайи дѣды в раянны.

- Нары, '933.

Когда тоска иссушивает мозг,
Усталость нудит — ничего не требуй,
Глаза свои я подымаю к небу,
Где россыпи едва заметных звезд.
Куда ведет их златотканый мост?
Гадать, не зная, это — сладкий жребий.
Заря свой красный поднимает гребень,
И голосит от радости петух.
День восстает. Обычной жизни

лепет

Опять смущает неокрепший дух.
Ответ не найден, а огонь потух!
О, как мгновенен в этой жизни роздых,
Когда душа уносится на звезды

Н. ПЕТЕРЕЦ

[illegible]

Мне подняли противные скаканы,
Несомня туживая моя ища,
Мужичья одиозного ага,
Переживаемые сиюлако рау.

А каменья, что дуло револьвера
Несемей, ваяний, чем ласка мертвых
Что в злых духах, как сибарай^{уд,}
Седь май нив, тикак я не смочу. ^{байман, есраи}

Что я напрошено пущу в бужнях дивных,
Как птица хищная, в тугах смелых,
Что-д несть ей пущицыне ресницы,
Слагать соней о мней тоске,

1933.

Харисс Андерсен.

Если нужно всё рассчитано, точно
Шахматный доска,
Если дана и жизнь не очень,
Предупред врага...

Если мне не даёт взорновения
Синий лёд Валуах пашу,-
Это жидкий-май жидкий синий
Человек, угае

Ради

Васе.

1933.7.

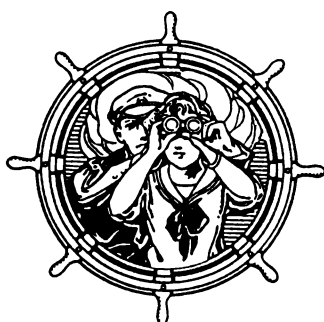
Независитное дум...
И в незримой грезе
Гасимь огни;
Не мечтаешь о Боге.

Оглушена душа.
Не тремать шоро.
Сноманный шар
У сетки голубого.

Горючий.

Ни слова.
С покоя сетки,
Каше миловой
Крови
Сетки.

В. Пашапул.
1954 август

Свѣтъникъ.

Тамъ вѣду зашито, задумчиво выжигу
Вещи, сущно, аки вѣду, шмыгну
Памъ гдѣ головы, сиранины черны
Затмѣна в сирѣни, сирѣни, сирѣни
микроцедра,
микроцедра,
микроцедра.

Подобрается уединенье. И гаснет без
наша свейтеньица.

Загадки, загадки, и едина поднимите
нога.

Где-то краса врызается в минута
как ржавый нашинчик,

Где-то в городе, широко отбилось
который-то газ.

В. Пашерашев.
1945. Машка.

Море.

Отрацалася в мади многоводнои,
Звездн — неба нецenne слова,
Растивалася по воде каюдои
Словно заютне оеифова.

Тихо ванивалии нерендн
Выходит из шудн сии Нерей,
Задывает на мюдей обидн,
Чемехалася ирши догереи.

А к раселитиу море уласано.
Цурежат владкии шириниу еран.
Солнце баини диекаи из онаи,
Процешано розовиу дриан.

Гирани — вейер. Море егано еерви
Волшебства ноекого ие найтр...
Вейерешина дериниуекая галера
Риннекуро Гириниу на нунн.

Веса, буйной, емоверелй, сиион
Рвани иурирудине буйри,
Словно роя владениу мошину
Дил того, кшо вийдети из ирви.

И нешиет навешереу буждо прица,
В вайон неи, — как на облаках.
Принималии оеританиу мича,
Трауца доу наиниает в рудак.

Ценою веков, как заводши,
И сменитъ обычай не можши,—
Пью в морскую воду ноги мои,
Красную, густую, аровъ деши.

В. Пашаицъ.
1845. Москва.

"Трогма воздущна ебна
Побвднс бланно знав."
и. Андерсен.

Гдѣ-ж сѣ, забвѣннз дороси
В майскіи мангжурскіи муга?..
Бсѣ в лицо царевит Недоѣрогѣ
Лютаз поларназ пурга.

Колкими осколками землгузжик
Вьюжныи крохатѣ небеса,
Всѣ вѣтер нестерпимогѣ сугнени
В ении цежални глази.

Гдѣ-ж сѣ, звенящіз сугнени,
Гдѣ разевѣт гримязцаго утѣра?..
Полногью еамѣнни и крушенни
Сложназ окончилась игра.

Насека, с безсонными ногами,
С памятью, растресканной до дна,
Сникло долу облачное знамя,
Рухнула воздушная ебка.
Отъехали весенние заботы,
Отпрокинул сказочный гуржог;
И дошла царица до заставы,
Тупика заоблачных дорог.
А вокруг все жалобный и глухой
Вьюжный ридает небеса...
Гасит втер нестерпимой ерундой
Синие, прекрасные глаза.

В. Станислав

31 марта 1956г.

Ко Дмитю Ангела.

моих безумств, моих противоречий,
смысл не избуяв на давнем берегу;
и вот я хожу одурованной вербой,
Которой — ни ж, дождавсь ни могу.

и, потому, прошедши Калугу,
Вздымалась в небо, обрывалась в грязь,
и Вам пишу — едн противоречья,
Но мысль о Вас тревожится и моится.

И тебе напишут, как светлой огарок
В торжественной, церковной полутьме.
Воспоминаний — праздничный подарок —
Их бы не посласть в изысканном письме.

А сидѣ-звѣзд сребрянныя рѣки
И облаковъ тугіе паруса;
Я опускаю трепетныя вѣки
И вижу вновь прекрасныя глаза.

Моихъ безумствъ, моихъ прозорбѣй,
Слѣдъ не избѣжъ на дальнихъ берегахъ.
Я буду ждать поускоренной вѣрѣй,
Которой здѣсь дожидаться не могу.

В. Стендаль

Одиночество

М. Д. 2.

Это ты, одиночество, шептаешь мне слова,
Шептаешь мне про дыхание чужого пера.
Датся книжки крылатых птиц в душе твоей
Увести от тебя не смогла.

Ну, так что же! Я буду шептаться с тобой.
Ты — мой спутник еще с позолотенных лет.
Эти дни, что текут кривлявой поклою,
Знаю в сердце оставив твой след.

Лишь зримо к позднему обедно взлетай ей,
Не взлетишь на шумливую паутину людей.

Вмещая в ветхости тяжелой туши пронзают
И рождают молчалив, как сами дети.

Ну, а мы?... Мы, грешные... для сирот и вдов.
«Худя Странствуй»... Нам же час. Твоей крестной
ночь...

И восторженные в силу — держась любовью,
мы в божьей доверии изнеможем.

И тебе же пишу... Не обманешь одно ты.

Неизменна твоё божественная воля.

Тас придет. Уведу в неземные высоты,
Скажем: «К тайне своей прикоснись».

Только, знаешь ли?... Я по-прежнему заплачу
там, в чертогах божественных... там, у тебя...
О безгрешной любви что пишут наизусть
и пишут, никого не любя.

Ирина Захарова

1940 г.

с Ветер
Закружилась бушующий вихрь,
Сединой покрывает асфальт,
И под утро - совсем на рассвете
переходит в тоскующий алыт.

Но напрасно беду чуждую
Он хотел бы с собой унести, —
А то-то тесный рваный лапоть,
Любовь не было к нему пути.

Между нами и небом хозяин,
Ветер, ветер, себя не требует!
Пусть опять на планете прохладно
Оседает снежичками метель...

Без весны

Горней здесь будто смертию и ладаном
С колокольной гоним в кручину —
Витю я, что во шрак неразгаданный
Двое ветры проигали весну.

Без весны... Но и этой утешности
Не дано безумию сердца.

Никого не попроси о смысле,
Протиснешь без весны до конца...

1945 г.

Индия Гашинкина

Сирени

Сидит — поджигает колеса,
Болтающие лунные глаза, —
Оушёнская, сирени,
Как затасанная, прощай...

Как много, как утешено много
Людей — в бинтах, титер — ланет,
Титер — у ее порога!
Один красивый человек
Титер в нее влюблен. Титер —
Он с ней до сумерек сидит,
Они не спят, но титер
С досадой — необычайной...

А по ногам — они — сирени —
Она — сирени — по ногам
Кривая в парк: держит колеса,
И всем бинтам по ногам,
Как переизданные цветы...
Стоит беседки. Между строк.
М — жужжащий фавн табачный менен
С излившейся страстью ног.

Мирелай Мирелай

БСНГ.

Или, как говорят, —
счастлив. Трезвость, утративший все...
Варя — странный толстый дядя, как будто сына
царя... И все множество криков.
Знакомый звук, как шум — толпой и ветром,
Прозвучавший надвигающийся и тихий...
Знакомый жемчужный — такою-то ученик,
Тяжелый, тугой, уже старый,
Полный, неукротимый, неукротимый,
В темной жизни звук тот разный
И утративший и все утративший, еще
И выходящий... «мертво» Ивана Ивана.
И здесь, «Знакомый звук» у Бюки
Полный и бездной, «Знакомый звук»...
Ведь — как мы знаем — над одинокой
Звучит неги дымка и висит...
Или, или, или и тоскливо...
Варя уносит коня. И стонет жизнь твоя,
И хочется проклясть ее — пусть,
Вспомнить ее и забыть то же...
В такие дни впадает твое время,
Жизнь в каком-то узком пространстве,
Рассветная и пламенная со всеми,
Звучит и все-таки, такой, как все...
Как все, как все... Нет левяского дара.
Ну кто-то? Вспомни домой, нитью твоей
И твое, до надежды, — и две тире...
Или, или, или, или, или, или,
Мне в ушах занесенный ветерком,
Сей же не шумит Тенорком...
Никогда не...

Густина

Взвешенный, как мушкетер,
Брикий, как вбизди вбизид,
Кашенный с полем и с полем, —

Борю и безразличиям етний...
К Вечеру ретанице, как рижца;
С шешем! не ейти бш енна, —
Вешение, ни к яшну не шашивание,
Кашетей: — мушкетер, турция...

Вриво: кто тебе-то сешем,
кто ни твоего дома прижмев?...
Полнок мушкетер и кашетей,

Полнок одишкая дивет,

Полнок мушкетер и кашетей бега,

Сутелка без яшма,
Сутелка вешет шаша...

Мушкетер: ни одною гелевика,

Боло: ни одною деревца!...

Михай Шешев

XIII

Ей сегодня исполнилось-бы 15 месяцев!

Я брошенный за борт ненужный человек,-
Но не лишенный жизни отчего-то,
Мечтавший посвятить людской короткой фак
Простому счастью, ревностным заботам.

Мнѣ Счастье мое казалось не простым.
Заботы мнѣ казались яркой сказкой.
Все свѣтилось кругом и улыбалась Ты
И расточала всѣм любовь и ласку.

Быть-может оттого, что Счастье мое
Чрезмерной радостью меня пьянило-
Не зачѣтал Господь и поманил Ее
И я Ее внезапно схоронила.

И в каждом мѣсяцѣ одиннадцатый день
И третий - для меня больные даты.
Как будто тяжелый на сердце никнет тѣнь -
На то, что Улетѣло без возврата.

Иду я дѣвочек похожих на Тебя
И даже неодушевленных кукол...
Но сходства нѣтъ нигдѣ и я живу, любя
Воспоминаній горестную муку.

И данной жизни смысл неясен мнѣ соросым-
И болѣе, чѣм до Ея рожденья...
Жесток - Ты Господи - жесток, суров и нѣм!
Не знаю я мотива искупленья!

11.7.43.

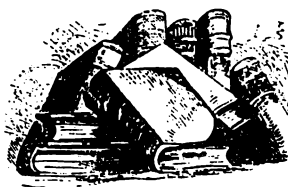
Дорогая Да!

Нужных и действительных слов - нѣт - Ты
дружи - но каждое подобіе их дорого безконечно. Не
дай Бог Тебѣ узнать это через близких Тебѣ - но знат
п р о с т о - необходимо. Ты, кто деликатно молчит -
мучает и ранит еще горше. Хочу говорить о Ней! Кричать!
Ревѣть! Рычать! Вѣть! Каждая Память - кусочек Исчез-
нувшей жизни. Задумано было Это Существо не мной од-
ной и потому столько человек здѣсь говорит "Наша".
Потому и не выдержала Она жизни - слишком нѣжно и нес-
обычайна и жила и О т л е т а л а. Да! Она никогда
не рвала цвѣтов - но гладила каждый и вздыхала: Ах, пай!
пай! А вѣдь никто не учил. Это была в полном смыслѣ
мечта Поэта-Мантеиста. Я не знала, что это бывает.

Да, я дряхла на Одну Радость и на Одно Горе!
Это такой ужас, Да! Ах, Да! Лучше не жить! Почему не
ужасно - ничего не понимаю.

Твоя Пустая Викторія Янковска

П О Э Т Ы
"ОСТРОВА ЛАРИССЫ"

АЛЕКСЕЙ АЧАИР (фотография из архива Э. Штейна)

АЛЕКСЕЙ АЧАИР

Алексей Алексеевич Грызлов (Ачаир — сибирская станция, где родился поэт). Несмотря на это, Ачаир утверждал, что на одном из среднеазиатских языков его псевдоним значит — "царевич". Издал книги: "Первая Медитат" (Харбин, 1925); "Лаконизмы" (Харбин, 1937); "Полынь и солнце" (Харбин, 1938); "Тропы" (Харбин, 1939); "Под золотым небом" (Харбин, 1939). Участник антологии зарубежной поэзии "Якорь" (Бер-

лин, 1936). Инициатор и создатель литературного объединения "Молодая Чураевка". Многие поэты русского Китая, несмотря на возникшие в последствии с учителем творческие разногласия — вышли из Ачаировского питомника. В 1945 году поэт был насильственно вывезен в СССР, после чего последовало заключение. По попавшим на Запад сведениям, Ачаиру все же "удалось" в начале 60-х годов умереть в собственной постели. Зарубежную славу принесло Ачаиру следующее четверостишие:

Не смела нас кручина, не выгнала,
Хоть пригнула до самой земли,
А за то, что нас родина выгнала,
Мы по свету ее разнесли.

БОЛТ МАРИЯ

Близкая подруга Лариссы Андерсен. Блестящий знаток наследия своего бывшего мужа — поэта Льва Гроссе. Стихи пишет по-английски. Проживает в городке Шади, штат Нью-Йорк, США.

В. ВАЛЬ

Псевдоним журналиста и поэта Валентина Присяжникова. Издал книги: "Сны". Рассказы и стихотворения" (Шанхай, 1930); "Арабески любви. Стихи" (Шанхай, 1931). До выезда в СССР в 1947 году Валь работал в "Шанхайской заре", "Слове", редактировал журнал "Прожектор". Благодаря его деятельности, в Шанхае, в начале 30-х годов,

В. ВАЛЬ

(фотография из архива Эдуарда Штейна)

вышло два номера "толстого" журнала "Понедельник". Вернувшись в СССР, Валь занимался переводами книг с английского научного характера. Стихи Валя совершенством не отличались, возможно, поэтому в Шанхае довольно долгие годы была популярна эпиграмма:

"Поэт ли Валя?
Валь -- едва ль!"

ГРАНИН ГЕОРГИЙ

Псевдоним прозаика и поэта Георгия Сапрыкина. Печатался в литературной газете "Чураевка" и в журнале "Рубеж" (Харбин).

ГЕОРГИЙ ГРАНИН

(фотография из архива Э. Штейна)

О Георгии Гранине и его бессмысленном конце (совместное самоубийство с Сергеем Сергиным в японском отеле "Нанкин") с теплом

пишет Валерий Перелешин в своих мемуарах — "Два полустанка" (Амстердам, 1987).

DIMUS

Данные о поэте неизвестны.

МАРИЯ К.

Мария К. — сокращенная подпись Марии Павловны Коростовец. Участница антологии — "Остров" (Шанхай, 1946). Из Китая выехала в Австралию. "Мария была замечательная женщина... Она была членом нашего "Острова"... По-моему, у нее был особый психический дар: она мне рассказывала о своих необыкновенных видениях, мало того, в ее присутствии со мной случались странные вещи: я трогала предмет и отдергивала руку, словно от электрического шока... Она очень любила Перелешина и словно боролась за его духовный выбор... Последние ее годы она была обременена домашней работой и заботой о сестрах и, по ее письму, "думать могла только ночью". Она умерла лет десять тому назад. По словам ее знакомой, она перед концом была парализована и "только огромные черные глаза говорили..." Напишите о ней." (Из письма Лариссы Андерсен к Э. Штейну от 19. 11. 1984 г.).

КРУЗЕНШТЕРН-ПЕТЕРЕЦ ЮСТИНА

Романистка, переводчица, поэтесса. Издала книги: "Стихи" (Шанхай, 1946), сборник рас-

МАРИЯ КОРОСТОВЕЦ

(фотография из архива Э. Штейна)

сказов -- "Улыбка Псиши" (США). Участница антологий "Остров" (Шанхай, 1946) и "Что-

бы Польша была Польшей" (США, 1985). Перу Юстины Владимировны Кр.-Петерец принадлежит пока лучшее, что было написано о поэтах русского Китая — статья "Чураевский питомник" ("Возрождение", № 204). Первым браком Ю. В. Кр.-Петерец была замужем за поэтом С. Степановым, а позднее была женой поэта и литературного критика — Николая Петереца. Умерла Ю. В. Крузенштерн-Петерец в конце апреля 1983 года в Сан-Франциско.

КРУК Н.

Нора Крук — поэтесса и журналистка. Работала в шанхайской газете "Сегодня". Выпустила сборник стихов по-английски. Живет в Австралии.

ЛЕСНАЯ И.

Псевдоним поэтессы Ирины Игоревны Лисевицкой. По данным Валерия Перелешина ("Два полустанка", Амстердам, 1987) Ирина Лесная живет и бедствует в Асунсионе (Парагвай).

ЛОГИНОВ В.

Поэт, прозаик, журналист. Печатался также под псевдонимами "Лингва" и "Капитан Кук". Именно под этим псевдонимом в Харбине, в 1932 году, вышла книга — "Харбин в стихах. Бытовые картинки". Тремя годами позднее поэт выпускает сборник стихов —

"Створа Триптиха". Василий Логинов — автор

В. ЛОГИНОВ

(фотография из архива Э. Штейна)

сборника рассказов "Ял-Мал". Умер Логинов в Китае в самом начале 50-х годов.

ВАЛЕРИЙ ПЕРЕЛЕШИН

Псевдоним Валерия Францевича Салатко-Петрище. Валерий Перелешин самый плодовитый поэт русского Китая. Издал книги: "В пути" (Харбин, 1937, тираж 200 экз.); "Добрый улей" (Харбин, 1939, тираж: 200 экз.); "Сказание старого моряка" — перевод поэмы С. Т. Колриджа (Харбин, 1940, тираж: 150.); "Жертва" (Харбин, 1944, тираж 300 экз.); "Южный дом" (Мюнхен, 1968, тираж: 500 экз.); "Качель" (Франфуркт-на-Майне, 1971); "Заповедник" (Франфуркт-на-Майне, 1972); "С горы Нево" (Франфуркт-на-Майне, 1975); "Аризель" (Франфуркт-на-Майне, 1976); "Три родины" (Париж, 1987); "Из глубины воззвях" (Нью Ингл. Пабл., Холиок, США, 1987); "Двое — и снова один?" (Нью Ингл. Пабл., Хо-

лиок, США, 1987); "Вдогонку" (Нью Ингл. Пабл., Холиоук, США, 1988); "Стихи на вереве. Антология китайской классической поэзии" (Франфуркт-на-Майне, 1970); "Южный крест, Антология бразильской поэзии" (Франфуркт-на-Майне, 1978). Стихи и переводы

ВАЛЕРИЙ ПЕРЕЛЕШИН

(фотография из архива Э. Штейна)

Валерия Перелешина печатаются на португальском и голландском языках. Участник антологий: "Излучины" (Харбин, 1935); "Якорь" (Берлин, 1936); "Остров" (Шанхай, 1946); "Мнемозина и Каисса" (Нью-Йорк, 1973);

"Неопалимая купина" (Нью-Йорк, 1973); "Чтобы Польша была Польшей" (США, 1985), "Вне России" (Мюнхен, 1978). Валерий Перелешин многое сделал для популяризации творчества дальневосточных поэтов и, тем не менее, книга его воспоминания — "Два полустанка" (Амстердам, 1987) вызвала у оставшихся в живых поэтах-дальневосточниках целый ряд серьезных нареканий. В литературных кругах русского Китая в свое время пользовалась широкой популярностью крайне злая эпиграмма на В. Перелешина — "Кто он?"

ПЕТЕРЕЦ Н.

Николай Владимирович Петерек — литературный критик, поэт, фельетонист. Умер в Китае 11 декабря 1944 года. Участник урапатриотического сборника "Стихи о Родине" (Шанхай, 1941). Участник антологии "Остров" (Шанхай, 1946).

ПОМЕРАНЦЕВ В.

Владимир Помернцев — участник антологии "Остров" (Шанхай, 1941). В 1947 году вернулся в СССР. Дальнейшая его судьба неизвестна. Не имеет никакого отношения к советскому писателю В. Померанцеву.

СТЕПАНОВ С.

Семен Федорович Степанов опубликовал сбор-

ник стихов "Мелодии неясные" (Владивосток, 1921).

ХАИНДРОВА ЛИДИЯ

Лидия Юлиановна Хаиндрова пользовалась руссифицированной формой своей настоящей фамилии — Хаиндрава. Иногда печаталась под псевдонимом Эристави. Опубликовала

ЛИДИЯ ХАИНДРОВА
(фотография из архива Э. Штейна)

сборники стихов: "Ступени" (Харбин, 1939); "Крылья" (Харбин, 1941); "На распутьи" (Шанхай, 1946). Спустя 30 лет после своего возвращения в СССР, тиражом 3000 экз. издала сборник стихов — "Даты, даты..." (Краснодар, 1976). О ней резко, но думается в основном справедливо писала Ю. Крузенштерн-Петерц в своем очерке — "Чураевский питомник" ("Возрождение" № 204): "У Лидии стихи были слабые, наивные, но именно наивностью подкупали. К сожалению, воспитанная на романах Чарской, Лида навсегда осталась девочкой из "Джаваховского гнезда" и стихи ее тоже не выросли. Не удалась ей и семейная жизнь. Во время репатриации 1947 г. Лида отправилась "за славой" в СССР. Оттуда она с восторгом писала, что "совершенно перевоспиталась". Но славы не достигла".

ЩЕГОЛЕВ Н.

Николай Александрович Щеголев родился в 1910 году. Прозаик, поэт, журналист. Иногда писал под псевдонимом — Николай Зерцалов. В 1947 году репатриировался в СССР. Умер в Свердловске 15 марта 1975 года. Автор романа "Из записок одиночки" (Шанхай, журнал "Слово", 1943). Участник антологий "Семеро" (Харбин, 1931); "Излучины" (Харбин, 1935); "Якорь" (Берлин, 1936); "Остров" (Шанхай, 1946) — предисловие к этой последней антологии написано — Н. Щеголевым. Широкую известность в свое время приобрела эпиграмма на Николай Щеголева:

Поэт не дюжий, юный ранний
Характер страстный павианин

Ни Блок, ни Пушкин и ни Гоголь
А только просто Коля Щеголь.

ЯНКОВСКАЯ ВИКТОРИЯ

Родилась в семье пионеров-первопроходцев Дальнего Востока. Десятилетия провела в Северной Корее и в маньчжурской тайге. В 1935 году, в Харбине, Виктория Янковская выпускает книгу стихов и прозы "Это было в Корее". Сорок два года спустя, в США, выходит вторая книга поэтессы — "По странам рассеяния". Участница антологии "Содружество" (Вашингтон, 1966). Живет на Русской речке, в Калифорнии.

В. ЯНКОВСКАЯ

(фотография из архива Э. Штейна)

Ларисса Андерсен

Статья Александра Вертинского

Приблизительно в 1910-12 году, в Петербург (разсказы вает поэт Георгий Иванов в книгѣ «Петербургскія зимы»), на собраніи у Вячеслава Иванова читали стихи. Собрались: Блок, Брюсов, Андрей Белый, Гумилев, Бальмонт и еще множество известных и не известных поэтов. Обсуждали, спорили, но без особаго волненія. Стихи были лучше-хуже. В то время всѣ писали хорошо. Это был расцвет символизма и творцы сидѣли на вершинѣ его, как нѣкіе боги. Писать иначе было нельзя. Поэтому всѣ стихи были между собой трагически схожи.

Публика зѣвала. Боги скутали. И вот поднялась худая, строгая женщина в черном — это была Анна Ахматова — и прочла:

Сидела ругая под темной вуалью

прежде всего бросился искать поэтов.

Найти их было довольно трудно, ибо хотя в Шанхай представлены всѣ виды искусств, довольно интересно — литература здѣсь представлена наиболѣе бедно. В частности поэзія совсѣм слаба. За исключеніем нѣскольких одаренных единиц здѣсь никто нѣтъ. Впрочем хороших поэтов вообще очень мало. Тѣм радостнѣе и чудеснѣе будет по явленію на шанхайском горизонтѣ таких прекрасных и терпких стихов, какіе общается нам Ларисса Андерсен своей книгой «Печальное вино».

Когда книга выйдет в свѣтъ, читающіе эти строки смогут насладиться ею в полной мѣрѣ. Сейчас-же извѣдать весь тонкій и тонкій ил этого вина — случайно довелось из

вск.

Просто. Строго. И скупое. Скупой той мудрой экзотикой слов, которая бывает у очень больших художников. Ибо слово есть блуд. Ибо слово есть ложь. Только самое главное, самое необходимое. В этом есть что-то монашеское — аскетически суровое.

И так во всѣх вещах:

«Там у рѣчки дѣвочка

весна

«Протирает заспанные

глазки».

Ее образы свѣжи и новы.

Ее переживания тихи и безропотны.

Она принимает жизнь, как свѣтлую, но суровую епитимию

«Мы должны не страдать.

И просить не должны ни о чем.

«Я иду в этой жизни спокойно, толкаясь и протискиваясь

то близкая нѣтъ

«А тоской пропитанная радость

«И охваченная счастьем боль...

И дальше:

«Из голубого марева

«Не выскальзывает. Не

уйдетъ.

Я бы мог без конца цитировать ее. У нея почти нѣтъ того, чѣм так гризят молодые поэты.

Междустрочной воды. Необходимой как цемент для постройки. Она монолитна. Ее вещи как бы вырваны из одного цѣлаго куска матеріала.

Из них ничего не уберешь.

К ним ничего не добавишь.

Единственный упрек, который можно было бы ей сдѣлать, то, что она замкнулась в круг слишком личных переживаній.

Она пишет себя.

Она пишет о себѣ.

«Я не стану святой и

строгой.

«Ты подняла...

«Тянуть по...

Напоила его до пьяна...
Потом еще и еще...

Поэт Вячеслав Иванов
встал, поцеловал ее в лоб и
сказал: «Господа, поздравляю
вас и русскую поэзию с боль-
шой радостью. Сегодня на на-
шем небѣ зажглась новая
звезда. Сегодня родилась но-
вая поэтесса настоящий и под-
линный Божьею милостью та-
лант!»

Так зажглась звезда А. Ах-
матовой.

Я невольно вспомнил этот
разказ, прочитав материал.
приготовленный к выпуску кни-
ги стихов Лариссы Андерсен
— «Печальное вино...»

Этот материал попал мне
в руки случайно, но Лариссу
Андерсен я знаю давно. То-
есть, столько лет, сколько я
шагаюсь вдсь на Д. В. —
года три - четыре. В первый
год моего приезда сюда, я

«Кротко тайл и воск ро-
нял,
«Тихий вечер в печальном
крепѣ
«Подожел и меня обнял.
«И заплакал. А я стояла...
«На могилѣ цвѣтот об-
лѣл.
«Я уже навсегда узнала
Что случается на землѣ.
«И никто не сказал ни
слова
«Но я знала — порва-
лась нить
«А потом я осталась сно-
ва
«Улыбаться и пѣть и
жить.
«И смолкать. И смотрѣть
не прямо,
«Потому что сквозь блеск
и лоск
«Над толянкой, над мерт-
вой мамой
«Блвднѣ мѣсяц роиает

Она не ищет счастья и
не жалуется на то, что его
нѣт.

Она говорит без улыбки,
без боли...

«Счастье? — тише... К
счастью надо красться,
«Зубы сжав и притупив
отни.

«Потому что знает, знает
счастье

«Что всегда гонятся за
ним.

И только любовь тяжелит
ея земный крыль. Та лю-
бовь, которая, как крест, как
наказаніе, дается людям.

«Тяжелой, тяжелой ман-
тей

«За мною, на мнѣ любовь.

«И сил нѣт поднять и
снять ее —

«Груз царственно - го-
лубой..

Тихой, нѣжной и покорной
печалью прснизаны ея стро-
ки.

Эта печаль дышит, как
вино...

И хочется читать еще и
только яд печали разлит в
книгѣ, как запах духов. И

гам.
Но она сознает это:

«Но я слаба, как талый
снѣг

«Но я нѣжна, как влажные
вѣтер.

«И... я не знаю, что
честнѣй —

«Сознаться или не отвѣ-
тить!

Впрочем это еще придет.

Все приходит в свое время.
Из лубяго заколдованна

го крута своей печали, Ла-
рисса Андерсен еще выйдет на
дорогу жизни и оглянется ве-
круг себя.

Да она и сама это гово-
рит:

«Лучшія пѣсни мои не
спѣты,

«Лучшія пѣсни мои со-
мной.

Во всяком случаѣ ея та-
лант общает нам еще много
радости. Будем вѣрять в это.

В этих кратких строках я
не собираюсь ни критиковать
ея дарованіе, ни пророчество-
вать. Я только хочу отмѣ-
тить появление страннаго и
прекраснаго и печальнаго и
выростаго в:

В с т р е ч и

ИЗ АВТОБИОГРАФИЧЕСКОЙ ПРОЗЫ

Лариса

*Мы умрем, а молодяки поделят
Франция, Америка, Китай...*

Арс. Несмелов

Мы с племянницей Вероникой, у которой я гостила, однажды утром отправились в Буживаль, чтобы увидеть дом, где жил Тургенев. Дом стоит в парке, на холме, с улицы его не увидишь, и мы бы не увидели, могли мимо проехать, но не проехали — остановила доска с надписью. Прохожих уведомляли, что тут, наверху, жил «великий русский писатель Иван Сергеевич Тургенев». Латинские буквы к написанию наших имен непривычны, особенно трудно далось им отчество «Сергеевич», и всю жизнь знакомые слова выглядели свежо, глаз не скользил по ним привычно, глаз задерживался — и радовался. Чему? А вот приятно было видеть эту доску, эту надпись в парижском пригороде, хотелось обратить на нее внимание прохожих, но прохожие шли мимо. Их, впрочем, было мало. Зато постоянно мелькали автомобили.

В парке, близ дорожки, ведущей наверх, расположились рабочие, они жгли костер, нужный им, видимо, для какого-то их дела, а жара в тот день стояла тридцатиградусная. Треск сучьев, веселящий душу в морозный денек, души не веселил, а в пламени хорошо разгоревшегося костра было что-то адское. Рабочие в запачканных куртках и сдвинутых на затылки шляхах напоминали веселых молодых дьяволов, изъясняющихся по-французски. От них мы узнали, что дом ремонтируется, к нему близко не подойдешь (чем-то огорожен), но мы продолжили наш путь наверх, убыстрив шаги, и шли, пока спины не перестали ощущать дыхания адского огня. Ну, уж раз я здесь, надо хоть издали посмотреть на этот дом, его откроют нескоро, а попаду ли я сюда еще раз — неизвестно. Я уселась на пенек. Вероника стояла рядом.

Дом был белый, двухэтажный и, видимо, просторный. Он был повернут ко мне углом, с моего пня мне были видны левая торцовая стена и стена фасада. Окна и торца, и фасада смотрели в парк, а торцовая стена лишь немного уступала по ширине стене фасада. Вилла в итальянском стиле. Я не разбираюсь в архитектурных стилях, где-то вычитала, что в итальянском, и это застряло в памяти. А то, что на этой вилле не Тургенев жил, а Полина Внардо с семьей, в памяти не застряло. Дом же Тургенева (он называл его «шале») я видеть не могла. Он стоял выше и правее виллы, был ею загорожен.

Спустя год мы вновь поедem в Буживаль и побываем в только что открытом музее. Вместе с небольшой группой молодых французов будем бродить по комнатам «шале» вслед за гидом, мужчиной средних лет. Молодые французы почтительно внимали объяснениям, а я думала: ЧТО им Тургенев? «Великолепно владея французским языком, свои произведения писал исключительно на русском!» — говорил гид. Верно, верно! Я могла бы добавить, что Тургенев даже сердился, когда его спрашивали, на ка-

СЕМЕРО

СБОРНИК СТИХОТВОРЕНИЙ

Ларисса Андерсен
Нина Ильнек
Наталия Резникова
Николай Светлов
Лидия Хаиндрова
Михаил Шмейссер
Николай Щеголев

„МОЛОДАЯ ЧУРАЕВКА“

Х А Р Б И Н.

ЛАРИССА АНДЕРСЕН.

Колыбельная песенка.

У тебя глаза удивленные—синие, синие,
но сама ты в беленьком—как веточка в ивее.
Тихой поступью ходит Бог по путям степи,
подойдет и скажет тебе:—Детка, спи!...

Вот над нами стоит умное, темное дерево,
толстое-претолстое—попробуй-ка смерть его!...
Прибежал к нам ветер вон с тех холмов
перекинуться с деревом парой-другой слов...

Посмотри!—на западе два ангела быются
крыльями,—
один—темный, другой—светлый, но светлый
бессильнее.

А на востоке тихо крадется синий мрак,
и кто—то черный угрюмо ползет в овраг...

Вдалеке расцвел огонек-цветок в глубине
сапфирности;
заповедал Бог своим ангелам по всей степи
мир нести.

Даже ковыль стал тихим и послушно прилег
У твоих маленьких, умытых росой ног...

Скоро ночь расскажет нам с тобой интерес-
ные сказки:
Видишь, высоко в небе зажглись две звезды-
алмазки?
Маленькие звезды-костры, дрожащие в си-
неве!...
Дай руку—пора брести по росистой траве!...
Я тебя буду на руках нести,— хочешь, моя
девочка?
В такой большой степи нам укрыться не-
куда и не во что...
Ты не спрашивай глазами синими о своей
судьбе!
Хочешь песенку колыбельную я спою тебе?

Яблони цветут.

Месяц всплыл на небе, золотая,
Легкою палаткой кочевой;
Разговор таинственный затеял
Ветер с потемневшею листвою...

Ведь совсем недавно я мечтала:
Когда будут яблони цвести,
Приподнимет предо мной забрало
Рыцарь-Счастье на моем пути.

Говорят, что если ждать и верить,
То достигнешь... Вот, и я ждала.
Почему бы счастьем день мой серый
Не осыпать искрами тепла?

Тихо, тихо шевелятся тени...
Все—как прежде... Сад, кусты рабит...
Только май, верхушки яблонь вспенив,
Лепестками белыми кружит...

Как вы, мысли, не устали виться,
Словно пчелы над одним цветком?!
Почему то все бледнеют лица
Пред одним немеркнущим лицом!

Месяц по стеклу оранжереи
Раздробил хрустальный облик свой,
Маленькие, дымчатые феи
Тянутся над влажною травой.

Надо быть всегда и всем довольной...
Месяц-парус, небо-звездный пруд,
И никто не знает, как мне больно
Оттого, что яблони цветут!

Память о весне.

Сегодня день такой больной,
Такой печальный, хмурый, хилый . . .
Весь мир — погост, и желтизной
Проржавлены его могилы . . .

И снова вспомнилась весна,
Тот синий день, впоенный влагой,
И вновь рожденная луна
Изогнутой двуострой шпагой...

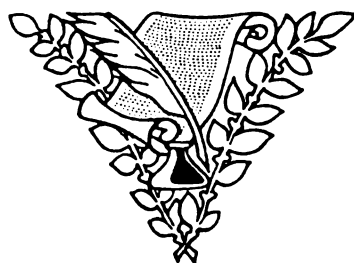
И алый отблеск фонарей,
Скользивший вдоль по синим лужам,
И закрываемых дверей
Заглохший всхлип... все глуше... глуше...

И крик души... и сжатый рот...
Глаза без слез и в горле камень...
И вы, прощаясь у ворот,
С такими грустными глазами...

И позже, ночью, уж без вас,
У той обиженной скамейки,
Блуждание опустевших глаз
И боль внутри щемящей змейкой...

И содроганье плеч моих
И сырость зябкого апреля
И тот свисток, что взвыл... и стих...
И вся печальная неделя...

Сегодня день такой пустой.
Цветы надежды ржавит осень...
И знаю, с этой пустотой
Пройдет так много, много весен.

О С Т Р О В

СБОРНИК СТИХОТВОРЕНИЙ

Планкай 1946

ЛАРИССА АНДЕРСЕН

Я знаю эту игру,
Что горы ведут порою —
Обступят тебя вокруг,
Сомкнутся, — гора с горою,
И ждут угрюмо. А ты,
Забыв про свою охоту,
Вдруг чувствуешь: с высоты
Следит за тобою кто то.
Враждебный, пристальный взор,
Как дуло винтовки в спину...
Я знаю средь наших гор
Такую одну ложбину.
Гора там дразнит одна, —
То спрячется за другими,
То, смотришь, снова видна
Макушка ее над ними.
Она и смотрит в упор,
А сердце твое тоскует:
Легко утратить средь гор
Всю гордость свою людскую.
Мохнатый сумрачный страх
В расщелинах скал ютится,
Летает ночью в горах
Бесшумной и хищной птицей.
Горит недобрый алмаз

В зубчатой земной короне.
Недаром мертвых у нас
В таких местах не хоронят.
Но, если ты прям душой,
Трусливым и низким не был, —
Костер наладишь большой,
И дым полетит на небо,
Из круга горной черты, —
На небо, к большому Богу
И скажет ему, что ты
В горах потерял дорогу.

ЛАРИССА АНДЕРСЕН

Разве я не здесь, не рядом?
Почему желовишь ты
В каждом жесте, в каждом взгляде
Чьи то чуждые черты?
Если я молчу порою,
Отвечаю невпопад, —
Просто месяц над горою
За окно уводит взгляд.
Просто грезит ночь сквозная
И вздыхает до зари...
Верь мне, верь мне, я не знаю,
Кто кольцо мне подарил!
Чьим желаньем, чьей тоскою
Я болею, — не пойму;
Просто, видно, нет покоя
В жизни сердцу моему.
Словно что то я забыла,
Словно ждут меня, а я...
Я скажу тебе, что было,
Ничего не утая:
В десять лет, — портрет не нужен:
Две косы, в глазах вопрос,
Шрам, да горсточка веснушек,
Солнцем брошенных на нос —
Вечерами, в час прилива

Я бродила по камням;
Много стеклышек красивых
При луне блестело там.
Вот, однажды, среди камней я
Вдруг увидела кольцо, —
Полустертая камеш...
Чье то странное лицо...
Только месяц был свидетель:
Я тогда дала обет, —
Я свой маленький браслетик
Морю бросила в ответ!
Жизнь уводит за собою...
Я жила, как все, росла, —
Все мне чудился в прибое
Плеск далекого весла.
Все казалось — в лунном свете
По искристому пути
Кто то маленький браслетик
Скоро должен принести.
Чья на дне ладья родная?
Чей разбитый бурей челн?
Месяц помнит, месяц знает,
Кто со мною обручен.
Он над зыбкою могилой
Наклонился, — бледен, тих...
Там, на дне, лежит мой милый,
Мой неведомый жених.
Это он, твой недруг странный:
Он лежит там, не дыша,
В темных недрах океана
Чья то темная душа.

Тихий шорох, легкий ветер,
Смутный ответ, — это он,
Это он — томленья эти,
Эти жалобы сквозь сон...
Это он! О чем горюешь
Ты, — ревнивый, ты, живой?
Только призрак, говорю я,
Только сон — соперник твой.
Да и мало ли присниться
Может детям пустяков
От прочитанной страницы,
От прослушанных стихов!
Только, может, зря тревожу
Дух чужого мертвеца,
Это — выдумка. Но все же
Я не дам тебе кольца.

ЛАРИССА АНДЕРСЕН

Время близилось к утру,
Мастера же смогли
Передать перламутру
Только бренность земли.

Только то, что случайно
Входит в жизненный круг,
А прекрасная тайна
Ускользала из рук.

И, томя простотою,
Тишиною томя,
Вновь являлась им, стоя
Перед ними тремя...

А когда, на рассвете
Разомкнула уста, —
Словно утренний ветер
Прошумел по кустам...

— Я печальное счастье,
Я терновый венец,
Неземное причастье
Обреченных сердец.

Кто захочет отдаться
Роковому «приди», —
Не боясь разрыдаться
На обратном пути?...

Только тот, кто умеет
Забывать о себе,
Тайну хрупкой камен
Постигает в резьбе.

И упали в печали
Руки трех мастеров,
А виденье умчали
Колесницы ветров.

ЛАРИССА АНДЕРСЕН

Все исчезло во тьме без следа.
Только алчно вздыхала вода...
Только маялись смутные тени,
Простирались бессильные руки
На призывы последних видений,
Словно стебли туманных растений,
Обреченных на вечные муки...
Только крик в темноту без ответа
И опять ожиданье рассвета.

Корабли и к утру не пришли...
Никогда не пришли корабли.
На востоке забрезжил вдали
Слабый отсвет, — больная догадка,
Запоздалая память о свете...
Может быть, утонувшие дети
В легких снах, в песнопеньях крестильных
Пронесли голубую лампадку.
Высоко, высоко пронесли...
Далеко, далеко от земли.

ЛАРИССА АНДЕРСЕН

Тянется, тянется тонкая нитка,
Связывающая нас с городом.
Свой сине-зеленый, шуршащий свиток
Разворачивает море гордо.
Ткут путь солнечный, блестя, иголки,
Дышит пароход жабрами борта, —
И рвется нить искусственного шелка,
Связывающая нас с городом...
А вечером будут на небе звезды.
Уступавшие огням неона,
И станет понятно,
И станет просто,
И станет совсем спокойно.
И пойму, что скольжу во тьму океана
Заблудившейся, жалкой каплей
Потому, что в пустынном дыму тумана
Маленький свет маяка вкраплен.

ЛАРИССА АНДЕРСЕН

Мы никого не впустим в нашу жизнь.
Мы даже радость не всегда выпускаем.
И дальше горем выжженной межи
К нам не ворвется музыка мирская.
Живем в густой, стесненной пустоте, —
Наш хрупкий мир наполнен ею туго...
Мы — только я да книги, и затем, —
Она — моя подруга.
Она — моя певучая тоска,
Мое ни с кем неделинное счастье.
Она — биенье крови у виска
И накипь слез и мудрости причастье.
Бледнеет ночь... Усталая свеча...
Молчанье книг... Поникший сумрак серый,
Но все еще томится у плеча,
Пленительные вымыслы шепча,
Она — моя химера.

ЛАРИССА АНДЕРСЕН

Природа пустыни проста:
Пустыня ужасно пуста,
Пустыня пуста и жарка, —
Ни речки и ни ветерка.
Повсюду песок да песок
И хоть бы случайный лесок!
Попробуй дорогу найти, —
В два счета собьешься с пути
И так намотаешься, — аж
Увидишь волшебный мираж
С деревьями, речкой, дворцом
И дамским приятным лицом...
Но все это ложь и обман, —
Пустыня наводит туман,
И сердце съедает тоска,
Что очень уж много песка!

ЛАРИССА АНДЕРСЕН

Все притихли в торжественном мраке.
Кто то кашлял, давясь тишиной...
Человечек в лоснящемся фраке
Поклонился, невзрачный, смешной...
И, магической силою взмаха
Вмиг возникших невидимых крыл
В догматической музыке Баха
Лучезарное небо раскрыл:
Вихри крыльев, сверкание ликов,
Белизну, бирюзу и лазурь,
И в гармонии ангельских хликов
Отголоски ликующих бурь,
И согласное, стройное пенье
Флейт и лилий в небесном саду
И спираль озаренный ступеней
В облака, в синеву, в высоту...

ЛАРИССА АНДЕРСЕН

Феникс — такая птица,
Стрелять в нее не годится,
Ее никак не убьешь:
Сама себя жгла, и что ж? —
На собственном пепле воскреснет
И станет еще интересней!

ЛАРИССА АНДЕРСЕН

Царевне плакать нельзя —
Царевна от слез умрет.
То знает и дворня вся,
То знает и весь народ.
А царевнин терем высок!
А красив царевнин наряд!
Зеленых берез лесок, —
Веселых подружек ряд...
Оконце ее — взгляни! —
Лазоревого стекла,
Чтоб даже в плохие дни
Погода ясна была.
И какой такой лиходея
На глазах у добрых людей
Такое содеял зло: —
Стрелою разбил стекло?
Ну царь, без большой возни,
Возьми его да казни.
Тут царевна только взглянула,
Рукавом кисейным взмахнула,
Вздохнула,
Заплакала и умерла.
Без лазоревого то стекла
И на казнь смотреть не смогла.

Царевна росла и цвела в терему из цветного стекла,
Чтоб даже и черные тучи лазурными видеть могла.
Но только случился, что стекла разбила шальная
стрела —
Царевна взглянула, вдохнула, заплакала и умерла.

ЛАРИССА АНДЕРСЕН

Это просто минуты покоя.
Это только всего тишина.
Или это доверье, такое,
Что защита уже не нужна.

Ни игры, ни борьбы, ни усилий. .
Дремлет солнце под шум топслей,
Словно парус, который спустили,
Чтоб на завтра поднять веселей.

Это — берег и свет из окошка,
Это — вечер и дверь на засов,
Это — дружба и кресел, и кошки,
И ленивых, отсталых часов.

Это — ласковость. Ласковый воздух,
Может быть, от несказанных слов...
За окном, в затихающих гнездах,
Колыбельные шорохи снов...

И цветы на столе... А под ними
Совещанье участливых книг, —
Потому ли, что кто то любимый
К изголовью устало приник?

Потому ли и кроткие свечи
Излучают живое тепло?
И на крыше воркующий вечер
Прикурнул и укрылся крылом?

Это где то бывает и будет,
Не у нас, у других, все равно, —
Пусть во тьме неприкаянным людям
Улыбается чье то окно.

ЛАРИССА АНДЕРСЕН

Невнятная, зловещая, как бред,
Роится жизнь, ища любви и пищи...
Вон, — катятся корсбочки карет,
Клубится пыль, снуют лохмотья нищих...
Закованный в уродство, в глухоту,
Он должен верить: это — люди, братья,
Он должен видеть в каменьях распятия
Какую то иную высоту.
Кто царь, кто шут. Кому какая роль.
Вот он — урод. Но здесь, на колокольне,
Он выше всех, он властелин, король,
Он ангел, демон дерзостный и всланный!
Не горб, а крылья, выросшие вмиг,
И прямо с неба льется звук победный!
Да, здесь впервые в мир его проник —
Большого колокола голос медный.

Еще один был незабвенный час:
В колодках сидя, после бичеванья,
Он пить просил движеньем рта, мычаньем,
Но был недвижим круг глядевших глаз.
А девушка-плясунья подошла
Бестрепетно и протянула воду,
И взором сожаленья и тепла

Скользнула по затихшему уроду.
В ее глазах сиял иной закон.
И почему то сразу вспомнил он
И колокола звук и ясность неба...
Иной закон... Помимо власти, хлеба,
Покся, боли, страха и труда...
А жизнь текла... Без гнева и печали,
За ней святые молча наблюдали
Из каждого уступа Нотр Дам...
Быть может, сам Господь издалека
Сквозь облака на мир глядел устало...
Вот площадь, где, безпечна и легка,
Светя глазами, девушка плясала.
Цыганка... Ведьма... Кто ж ее судил?
Те, кто еще, прекрасней и светлее?
Еще добрей?.. Молчит закат, алея,
Над виселицей. «Все, что он любил...»
И на земле, забытой небесами,
Урод рыдает медными слезами.

ЛАРИССА АНДЕРСЕН

Джиоконда, Джиоконда,
В мире гибнет красота.
Продан мир, торговцу отдан,
Мир не тот, и ты не та...

Ты фальшива, ты — проста.
Пусть все та же тень каприза
Иль насмешки в складе рта, —
Джиоконда, Монна Лиза,
Ты ли это?.. Нет, не та...

Все не та, не та, не та...
Незнакомец в шляпе черной,
Бледный, странный и упорный
В Лувре бродит, ищет, ждет...
Мир, где властвует расчет,
Мир, где гибнет красота,
Вопрошая, без ответа:
Джиоконда, ты ли это?
Ты ли это?

Нет, не та...

Муза Диаспоры

Избранные стихи зарубежных поэтов

1920 — 1960

Под редакцией Ю. К. Терапиано

ПОСЕВ

ЛАРИСА АНДЕРСЕН

КОШКА

Наконец-то, кошка, мы с тобой вдвоем.
Подруслим немножко, песенки споем...
Будет синий вечер лезть в окно тайком.
Я укрою плечи маминым платком.
Я тебя поглажу и пощечочу,
Ты же мне раскажешь, все, что я хочу,
И про ту сторожку, в тишине лесной,
И про то, что, кошка, мы сбежим весной.
Мы с тобой такие, мы с тобой одни...
А они — другие, не поймут они,
Не поймут и скажут: — ишь ты, как
горда!
И не ценит даже нашего труда.
То — дается в руки, то — лишь хвост
трубой.
Кошка! Ведь от скуки любят нас с тобой!
Лишь за то, что пладки, гибки да хитры,
За красу повадки, за азарт игры.
А когда поверим — нас не захотят,
Выбросят за двери, как твоих котят.
Ничего. Мы сами. Мы одни и пусть!
Пусть томится с нами ласковая пруть!

Пусть ничем на свете нас не смогут
взять,
Втолковать все эти «можно» и «нельзя»,
Пусть в холодной злобе, когти затая,
Мы — игрушки обе. Обе — ты и я!
Мучай нас, не мучай — мы всегда верны
Древней и дремучей радости весны.
И, как только ветер шевельнет листом,
Ты махнешь вот этим шелковым
хвостом.
Я ж, глаза сощуриив, следом за тобой
И в прозу и в бурю. И с судьбою в бой.

ЗЕРКАЛА

Я прохожу по длинной галерее.
Вдоль стен стоят большие зеркала.
Я не смотрю... Иду... Иду скорее...
Но нет конца зиянию стекла.
Я, всюду я. Назойливая свита!
Рабы. Рефлексы. Тени бытия...
Беспрекословной преданностью слиты
С моей судьбою. Так же, как и я.
Стою, — стоят. И ждут. И смотрят
 тупо,
Трусливо безответственность храня,—
Непревзойденно сыгранная труппа
Актеров, представляющих меня.
Вот я шагну,— они шагнут навстречу.
Махну рукой,— взмagnetся стая рук.
Я закричу,— и без противоречий,
Беззвучно рты раскроются вокруг.
И я кричу. Но звука нет. И тела —
Ни рук, ни ног — как будто тоже
 нет...

Лишь отраженья смотрят омертвело
И странно улыбаются в ответ.
Я понимаю, веря и не веря,—
Они живут отдельно от меня.
Кто эта вот,— когтистой лапой заеря
Манит, умильно голову склоня?
На лапе золотая цепь браслета.
Окрашен кровью виноватый рот.

Январь 1928 г.

Цена 20 цент.

ЭТОТ ВЫПУСК ПОСВЯЩЕН КРУЖКУ "ХСМЛ ЖУРНАЛА" —

Молодым Чухаревка

Самое живописное место Маньчжурии — БАРИМ

Х.С.Ж.Л. ЖУРНАЛ

Для внимательного ознакомле-
ния Вашей газеты с тем,
какое окрывает внимание
наша Газетка на русскую
молочную

№ 1 (13).

Третий год издания.

Ларисса Андерсон.

Наверху смыкают веки
утомленных звезд глаза.
А внизу колышат реки
их немые образа.
Я одна! Я на свободе!—
Все что может счастье дать!—
В скалах, в каменном проходе,
из мха моя кровать...
Слушать я сегодня стану
дерзких ветров голоса,
когда пламенной раной
воспалятся небеса.

И смотреть сегодня буду
на трепещущий восток,
где откроет миру чудо,
возвестив о свете, Бог.
И когда взойдет, ликуя,
Солнце Мира—встрепенусь.
Руки к миру протяну я
и любовно улыбнусь...
Все прошу, что было больно,
всех за боль благословлю.
Песней—радостной и вольной—
свет души моей пролью.

Да, когда-то...

"...я писала на венецел
вскинула деревен^{лицу}...

повидала, у^в ^{стел} ^{дверь}
и заплакала... зря и не зря.

и теперь —

"я тебя пробираюсь ро-
менкою узкою
сена^{ли} ^{пиренцеве}
^{пиренцы} ^{фран-}

Как в России ^{узкая} ^{сена}
следы, ^{басилькер...}

Васильки — васильками,
друзья далеки... "

Марисса Андерсен.

Марисса Андерсен

12.12.1983

По желтым лугам...

1940 г.

Шанхай.

на
бюбре.
7. Утедхер
нахт. о хаккер
Серг. 1984

Варуца
Авдугос

Бьется колокол мѣдной грудью,
Льет расплавленную весну...
Вѣтер кинулся к строгим людям,
Темнотою в глаза плеснул.
Прижимается воздух вешній,
Тает терпкая боль молитв...
У меня, от молитвы грѣшной,
Только сердце сильнѣй болит.
Я не стану святой и строгой, —
Так привычно моим ногам
Уставать по земным дорогам,
Танцевать по земным лугам.
Я дѣвченкой в лѣсу когда-то
Припадала к земной груди,
И пьянит меня даже ладан,
Словно запах лѣсных гвоздик.
Кроткій лик, удаляясь, тает...
Но,вятая, прощаешь Ты
Лишь за то, что я понимаю
Чѣм глаза Твои так чисты.

СОДЕРЖАНИЕ

П р е д и с л о в и е	
Э. Штейн. Властительница "Острова"	7
От составителя	12
Ачаир	15
Болт М.	22
Валь	23
Георгий Гранин	26
Dimus	40
Мария К.	41
Ю. Крузенштерн-Петерек	48
Н. Крук	52
И. Лесная	59
Василий Логинов	60
Валерий Перелешин	71
Петерек	78
Померанцев В.	100
Лидия Хаиндрова	112
Николай Щеголев	116
Виктория Янковская	119
Поэты "Острова Лариссы"	121
Приложение	140

